

П. ИНГВАРСОН

Элли

П. Ингварссон

Элли

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51326803

SelfPub; 2025

Аннотация

До небольшой шотландской деревни не дошла мода на панк, гранж и юношеский нигилизм. Главные герои увлечены музыкой в стиле dark folk и post-industrial, но главное их увлечение – это мифы и древние легенды родного края. Они изучают труды историков, поют песни кельтских бардов. Но однажды волшебство, которое, казалось, живёт только на страницах книг, вторгается в их мир.

Содержание

I	4
II	16
III	32
III	44
V	55
VI	65
VII	82
Конец ознакомительного фрагмента.	86

П. Ингварссон

Элли

I

Каждая история имеет своё начало, для меня она началась почти двадцать лет назад, в тот момент когда я по состоянию здоровья вынужден был переехать в деревню на севере острова.

Мне было десять лет, когда с начала учебного года меня начали мучить ночные кошмары. Знаю, такое в детстве случается со многими – кого-то пугает страшная книга, или просмотренный перед сном фильм, и вот уже начинается долгий период бессонницы и беспричинных страхов. Я ничего не помню о том, что же стало причиной моих кошмаров, да и с тех пор моя детская гибкая память стала мне изменять. Учеба начала даваться хуже, отношения с новыми одноклассниками я никак не мог наладить, так как банально не мог запомнить их имена. Уж очень часто с тех пор мне приходится извиняться за свою плохую память, хоть и стараюсь не злоупотреблять этим оправданием чтобы не создавалось впечатление что я давлю на жалость.

А вот ночные кошмары, мучившие меня в то время, я помню очень хорошо, несмотря на их великое множество.

Если перевести это на современный торговый язык, то разнообразие и многогранность стандартных детских кошмаров можно представить как киоск на въезде в деревню, в то время как мои кошмары тянули на целый супермаркет Tesco. Что только не заставляло меня просыпаться по ночам – множество сценариев собственной насильственной смерти от рук безликих фигур, чудовища с потной шерстью и острыми зубами, горящие глаза в темноте, один прямоходящий оборотень преследовал меня во сне два месяца с небольшими перерывами, я постоянно терялся в безлюдных лесах, когда убегал от незримого ужасного.

Период кошмаров никак не хотел заканчиваться и становилось только хуже. Теперь я, как какой-то дошкольник, оставлял в своей комнате включенную настольную лампу, которую отец принес мне из своего кабинета. На это пришлось пойти, так как я начал жаловаться на кошмары, которые теперь начинались до погружения в сон, стоило закрыть глаза, как перед моим взором в кромешной темноте материализовывались белесые фигуры, и так как мой мозг ещё не погружался в стадию быстрого сна всё это происходило в полной тишине, которую изредка нарушал шум проезжающих машин за окном. Здесь был задействован только обман зрения. Эти фигуры не рычали, как мой частый оборотень, но мне казалось что сами они определенно двигались под музыку, слышную только им, тёмные силуэты с бледными лицами и поднятыми вверх полусогнутыми руками будто

вальсировали, но никогда не приближались ко мне, а только смотрели немигающим взглядом и переступали с ноги на ногу. Лица их сложно описать, они почему-то казались мне старушечьими, хотя на них не было морщин, уголки губ никогда не двигались, и моему внутреннему взору очевидно представляли носящие маски. Кто был под этими масками на-верно уже не важно.

Хорошо помню тот день, когда отец отдал мне свою лампу. Я нашел его в гараже, он стоял у своего верстака в клетчатой рубашке с закатанными рукавами, густые темные волосы на сильных жилистых руках сливались с побледневшими татуировками – названиями любимых рок-групп, которые он набил в годы службы в армии, очевидно в то время он очень скучал по своим любимым пластинкам. Отец ловко орудовал наждачкой, полируя край зеленого стеклянного абажура, который весь был покрыт маленькими острыми зубчиками, о которые ребенок, то есть я, легко мог разодрать свои пальцы.

Интересно что мои сверстники и наши родители гораздо серьезнее относятся к технике безопасности, чем старшее поколение. Стоит приехать в деревню к бабушке с дедушкой, и только после долгих споров дед соглашается с тем что оголенные провода, которые начали вылезать из выключателя не есть норма и, так уж и быть, ради безопасности внука или внучки, которые боятся оплавленных от старости выключателей, он всё подлатает. Но некоторые считают что то как носятся с детской безопасностью сейчас, аукнется нам в бу-

душем в виде изнеженного и несамостоятельного поколения, так это или нет, мы узнаем не скоро.

– Ты уже взрослый, и пора поставить тебе в комнату солидную лампу, – сказал отец и уже с чуть меньшим воодушевлением добавил, – раз уж бледный ночник в виде доброй улыбающейся луны не помогает.

Себе в кабинет отец поставил новую лампу, но уже с красным абажуром. Ни в гостях, ни в школе я больше нигде не видел такого света. Страницы книг окрашивались в нежный розовый цвет, от этого бледно-красного света, заливавшего комнату, мне становилось очень спокойно. Я будто оказывался на океанском берегу во время заката, когда красное солнце погружается в неподвижную воду. Но мама говорила что красный цвет – это плохой выбор, ибо он повышает уровень агрессии и голода, позже отец поддался на уговоры и сменил лампу на обычную и классический желтый уже не вызывал возражений.

Теперь, ложась спать, я включал зеленоватый свет, и когда он немного просачивался даже через закрытые веки, на его фоне танцующие зловещие фигуры почти исчезали и становились уже совсем не страшными.

Конечно родители не остановились на том что поменяли иллюминацию в моей комнате. Их всерьез беспокоило что я не высыпался и это отражалось на моем настроении и успеваемости. Первый врач к которому меня привели просто выписал мне снотворное и не увидел в моём состоянии ника-

ких особых проблем. Второй специалист, к которому мы обратились, был наш школьный психолог.

Мои не особо религиозные родители отдали меня в местную христианскую школу. В принципе, ничего плохого о ней сказать не могу, ещё рано спорить о вреде консервативного воспитания, давайте подождем и посмотрим, чем увенчаются проекты либеральных школ, где детям можно спать на уроках и получать похвалу за необычный, но неправильный подход к решению заданий.

Эту школу заканчивал и мой отец и с большим теплом отзывался о ней. Правда, единственное, что он запомнил из школьной программы, это курс истории. Именно истории была посвящена большая часть книг в его кабинете. Правда, книг по истории римской империи, истории церкви, и даже посвященных нашему острову, у него в библиотеке было крайне мало, его больше привлекала эпоха накануне открытия бронзы. Да, честно говоря, он совсем позабыл Библию, как забывал всё ненужное Шерлок Холмс. Но именно после нашего совместного похода к школьному психологу я впервые услышал гневные слова о школе.

Тот семейный визит к миссис Мартин лично я совсем не помню и знаю о тех событиях из рассказа родителей.

Миссис Мартин я видел до этого всего пару раз, она была довольно молодая, чуть за тридцать, высокая, стройная, с бледной кожей, не знавшей загара, длинные пышные черные волосы она собирала в хвост, большие зеленые глаза ка-

зались еще больше из-за круглых очков, что придавало ей чуть удивленный вид, хотя, на самом деле она была человеком невозмутимым. Вот только улыбка у неё была чуть вымученной, ну, не умела она улыбаться, да и поводов не было, но человеком она была доброжелательным и боялась что без улыбки этого никто не заметит. Как и многие психологи она была немного нервной, постоянно поправляла без надобности пару значков на лацкане своего шерстяного серого костюма, особенно значок местной христианской молодежной организации с крестиком, видимо переживала что крест повернулся набок.

Её крайне обеспокоил мой внешний вид – воспаленные красные глаза, бледная кожа, и конечно моя успеваемость, резко ухудшившаяся в последнее время. В таких случаях педагоги начинают подозревать что в семье происходит самое худшее. Миссис Мартин внимательно выслушала рассказ моей мамы о визитах к врачу за снотворным и заострила внимание на моих кошмарах. Она села на диван рядом со мной и попросила подробнее рассказать о моих собственных переживаниях. Я пересказал ей свои кошмары, правда, бессознательно опустил все сны с мучительной смертью, где я перед пробуждением вижу как из-под торчащего из меня ножа или из раны, нанесенной чудовищными когтями, на мою правую ладонь бежит струя крови. Свой рассказ я больше строил на описании внешности существ, являвшихся во сне. Похоже, обилие образов привело её в лёгкое замеша-

тельство, покрутив значок, она не нашла ничего лучше чем сказать:

– Простите, в личном деле ученика я увидела, что вы поженились уже после рождения мальчика... И к тому же, он до сих пор не крещен. Конечно, мы меняемся, меняется мир, и мы уже не предъявляем такие строгие требования к ученикам, но не пора ли вам покрестить сына? Сейчас об этом не принято задумываться, но такие дети находятся, если можно так сказать, в зоне риска, это очень лёгкая добыча для Сатаны.

В те времена до наших краев ещё не добралась «сатанинская паника», разговор проходил вполне спокойно, и, если кому-то покажется верхом неприличия заводить такие разговоры в светском обществе, то вы слишком строги. Разговор не выходил за рамки приличия и вполне мог закончиться без происшествий, если бы не моё самочувствие. После упоминания имени Сатаны меня начало мутить, в глазах потемнело, взрослые начали двоиться и размываться у меня в глазах, не успел я дважды моргнуть, как меня начало трясти, я согнулся словно тряпичная кукла пополам, и, против моей воли меня вырвало на юбку Миссис Мартин. На этом разговор был окончен, все поняли что и обучение мое в этой школе также закончено. Если б не резкое ухудшение самочувствия, речи нашего психолога даже не отпечатались бы в памяти моих родителей как бесцеремонное вмешательство в личную жизнь.

Школьный год закончился, не успев толком начаться. Это был лишь вопрос времени, тяжело учиться когда из-за кошмаров происходит нарушение сна, и заснуть удастся лишь за два часа до начала занятий.

После начались утомительные хождения по врачам, бесконечные анализы... Сделали рентгеновские снимки мозга из-за подозрений на опухоль, но ничего не говорило о нарушениях. Электроэнцефалография показала лишь небольшие сбои, которые являлись последствиями инсомнии, а не её причиной.

Точку в лечении поставил друг отца психиатр мистер Эдвардс. В отличие от родителей, я не вслушивался в анамнез и диагноз, а внимательно изучал кабинет. Он был довольно старомодный, не похожий на ядовито-белый врачебный кабинет, но и не походил на кабинеты современных психологов, которые пытаются создать иллюзию скандинавского уюта, чтобы пациент чувствовал себя как дома, но где ты всё равно чувствуешь себя не в своей тарелке, скорее, кажется что ты пришел к друзьям своих друзей. Этот кабинет был отголоском прошлого – темные обои с ненавязчивым цветочным орнаментом, мягкий свет от люстры из вороненого металла и высокие шкафы до потолка, где книги были расставлены не по темам, а по годам и обложкам, книги прошлого века отдельно и также отдельно тонкие монографии в ярких цветных обложках. Кому-то такая расстановка книг может показаться выпендрежем, но именно к этой системе я при-

шел много лет спустя в ходе многочисленных перестановок на своих книжных полках. Но самым интересным в том кабинете были схемы строения человеческого мозга и гипсовые муляжи, где цвет кости оставался по-прежнему таким же натуральным, а вот краски, обозначающие различные отделы мозга, побледнели и облупились.

– Что ж, скажу честно, поначалу меня насторожило описание видений, появляющихся до засыпания с закрытыми глазами. Я подозревал серьезное психическое расстройство, – сказал доктор Эдвардс, левой рукой поправил очки в толстой прямоугольной оправе, а правой встряхнул пачку листов в своей руке, – ну что, малец, замучил я тебя с этими непонятными тестами и задачками?

– Нет, сэр, – сказал я смущенно отводя глаза, но вовсе не потому что лукавил, просто схема с ветвистыми нервами была уж очень интересна. Нет, я не лукавил, непонятных тестов было действительно много, но в клинику мы пришли уже после обеда, и поэтому я был относительно бодр и даже неплохо выспался в этот день, да и самый долгий прием длился всего два часа, уж всяко меньше чем учебный день.

– Ну так вот, – продолжил он, – тесты никаких отклонений не показали, не будем останавливаться на проблемах с вниманием, с этим все ясно, анализы гормонов и снимки мозга в полной норме. Детская психика хранит много загадок, бывало раньше ставили дошкольнику диагноз «умственная отсталость», а через год он уже готов к школе, и на деле пока-

зывает результаты получше сверстников. Огорчает что транквилизаторы и антидепрессанты хоть и действуют, но симптомы ещё остаются. Я скажу так, надо вам с сыном ехать на свежий воздух.

– Да я бы с радостью, – сказал отец, – но работа не отпускает. Есть, конечно, загородные школы, но не хотелось бы в такую даль сына отправлять. Но мы что-нибудь придумаем.

– Подумайте-подумайте, свежий воздух порой творит чудеса! Растущему организму кислород нужен, а где его в городе взять?

Кто-то может и усомниться в силе свежего загородного воздуха. Соглашусь только с тем, что сила его и правда с каждым годом слабеет.

И вот встал вопрос, куда ехать. Самым оптимальным вариантом было бы отправиться к родственникам. Но вся родня по папиной линии уже умерла, родители мамы жили в городе. Последнее лето, проведенное на природе у моей прабабушки, умершей пару месяцев назад, закончилось не очень приятно. Когда мы всем семейством гостили у нее, родители повели меня на прогулку показать остатки настоящего римского форта. Пока нас не было, прабабушкин Альцгеймер дал о себе знать – она перестала узнавать свой дом и решила что её похитили, не зная куда бежать, она забаррикадировалась в доме. Вернувшись с прогулки, мы были сильно удивлены закрытым дверям и проклятиям в адрес похитителей, то есть нас. В доме двухвековой давности были очень

маленькие окна, в которые мог пролезть только ребенок, поэтому мне было поручено забраться в дом через приоткрытое окно и отпереть засовы. Задание было непростое, это вам не окна до земли в современных загородных домах, которые не отличаются от дверей и, скорее, напоминают триумфальные арки, через которые можно заехать в дом на коне, то были почти что бойницы, но с заданием я справился блестяще. Прабабушка, несмотря на свою глухоту, была настолько взволнована услышав легкий скрип подоконника, что схватила довольно крупное полено и поспешила мне навстречу. В тот момент я совершенно не осознавал степень опасности – хотя прабабушкины кости и были разбиты артритом, и в обычной жизни ей было сложно даже просто поправлять занавески, но в момент отчаяния стресс придал ей силы, и она очень уверенно сжимала свое импровизированное оружие. Как только я спустил ноги с подоконника на пол, рядом с моим ухом просвистело полено, и я даже не успел подумать что это мог быть последний шаг в моей жизни, и старуха, находящаяся в отчаянии, легко могла разmozжить детский череп, и меня спасло только то что она просто промахнулась! С невероятной скоростью я побежал дальше и отворил все двери. Прабабушка так и не пришла в себя, а спустя несколько недель, в больнице она впала в кому, поэтому тот случай уже никогда не мог вызвать между нами неловкости.

Это происшествие я вспомнил спустя много лет, а ведь не исключено что и эта ситуация, когда родной человек хотел

меня убить, стала одной из причин нарушения сна.

Но я отвлекся. Поиски локации для поправки моего здоровья напомнили маме о том, что её тётя Бонни давно звала нас в гости. Стоило им разок созвониться, и вот уже родители взяли отпуск на месяц и всей семьёй мы начали собирать вещи, особенно тщательно и основательно собирались мои сумки, ибо мне предстояло задержаться у тети надолго.

Как выманить городского ребенка за город на свежий воздух? Современным детям нужно пообещать, что за городом будет телевидение или даже интернет, мне хватило фразы «ты хочешь увидеть руины настоящего форта пиктов?».

Сейчас путешествия уже давно не роскошь, кажется путешествуют все, никаких преград уже не существует. Для кого-то перелететь шесть тысяч миль туда и обратно уже привычное дело. Я не могу похвастаться своими достижениями путешественника. Наш путь составлял всего триста миль. Да, я знаю людей которые просыпаются утром пораньше, чтобы проехать не меньший путь в другой город ради собеседования, работы или учебы, но с моим путешествием это все равно не сравнится. Да, можно проехать и ещё больше, получить хорошую работу в другом городе, но путешествие ещё более судьбоносное, чем моё, найти сложно.

Когда вещи были собраны, мы отправились в путь – в самое главное путешествие в моей жизни.

II

Именно это место я начал считать своей родиной. Мамины предки действительно жили в этих краях довольно долго, наверно все средние века, а может, и дольше. Но сам я был ребенком исключительно городским, выросшим среди сверстников, которые не привыкли находиться на природе дольше, чем длится родительский отпуск.

Меня не нужно было упрашивать и уговаривать остаться пожить у тети, вдали от дома, от родителей, настолько я влюбился в этот край.

Край чертополоха и вереска. Край скал, камней и холмов, противостоящих ударам морских волн. Бродя вдоль скал у моря, я будто бы видел как шотландцы сбрасывают связанного пикта в море, как это описывал Роберт Стивенсон. Конечно, надо помнить, что образ это романтический, о чем ещё при жизни писал сам Стивенсон, а из школьных уроков я знаю что пикты давно уже смешались со скоттами, и эти черные острые камни и рокочущие голубые волны, взбивающие такую нежную и невесомую белую пену не осквернены кровью невинного юноши, который мог выдать секрет верескового меда. Впрочем, местный пивовар до сих пор активно использует в производстве вереск, не знаю насколько его продукция проигрывает древнему напитку, но уж всяко лучше любой дряни из алюминиевых банок.

Насчет форта пиктов меня не обманули. Правда, он находился далековато от деревни, где я поселился у тетушки Бонни. Форт находился гораздо дальше к северу, до него было легко доехать на автобусе, а для тренированного человека не было проблемой проснуться в выходной день пораньше и с посохом в руках пуститься в путь, чтобы к обеду оказаться на месте и насладиться прекрасным видом. Здесь ты будто оказывался в другом мире, в другое время. Брох (если правильно называть это строение, или, точнее, то что от него осталось) возвышался на вершине холма. Несмотря на то что от башни осталось всего полтора этажа, достигавшие в самой высокой точке всего 6 метров, древнее строение из серого камня, сложенное столетия назад, до сих пор впечатляло своим видом. Возможно, остатками этих сооружений когда-то вдохновлялся Толкин, когда описывал сторожевые башни гномов, хотя, в те времена большинство связывало эти постройки с кельтами, и их не соотносили с полумифическим низкорослым народом.

Вдалеке, на западе виднелась дорога и крыши деревенских домов, кое-где выглядывающие среди множества холмов. А вот если встать у западной стены броха и смотреть строго на восток, то пейзаж открывался просто потрясающий – с восточной стороны холм резко обрывался и дальше не было никаких домов, никаких дорог, только разноцветный ковер, словно древний великан забыл здесь свою камуфляжную военную куртку – коричневые холмы, редкие за-

росли зеленых деревьев, серая каменная порода, растущий на ней мох всех оттенков зеленого, желтоватая к осени трава или, в период цветения, ровный фиолетовый цветочный ковер, а завершала эту волшебную картину голубая полоса моря.

Глядя на всё это величие, я начинал фантазировать, что не просто пришел сюда пешком или приехал на автобусе чтобы полюбоваться местными красотами, мне казалось, я вошел в портал между мирами, прошел через дыру в самой материи времени, что человечество освободилось от бремени техники и здесь не надо читать противопоказания на коробочке с лекарствами – древние волшебники лечат своей магией абсолютно всё, и не стоит бояться аллергии и индивидуальной непереносимости, тут лечит цветочный воздух, поднимающийся с полей вверх по холмам. Мне казалось, что пикты скоро вернутся и починят свою крепость, которую они покинули лишь на время.

А как красиво было здесь зимой! Всё было покрыто ровным белоснежным ковром, в котором отражалось голубое небо. Теперь можно было вставать у восточной стены броха и смотреть на запад – слой снега засыпал редко используемую дорогу, а крыши домов далекой деревни укрывались белым одеялом, скрывая свой ядовитый и неестественный цвет. И теперь даже этот уголок цивилизации казался сказочным.

Но зимой я бывал здесь крайне редко – доезжал, разумеется, на автобусе и бродил по холму в одиночестве. В теплую

пору людей здесь было гораздо больше, взрослые и пенсионеры приезжали, как правило, большими группами на экскурсионных автобусах и задерживались не больше двадцати минут, а вот студенты, только недавно получившие права, приезжали небольшими компаниями и оставались до вечера. Как правило, это были будущие художники или историки, которые часами сидели на привезенных пледах и с разных ракурсов рисовали руины.

Многих очень привлекало с каким мечтательным видом я прогуливаюсь и изучаю наследие бронзового века. Некоторые ребята с альбомами заговаривали со мной, они были не местные и очень часто не знали о крепости ничего, кроме места расположения и её вида с одного ракурса из справочника достопримечательностей. В их глазах я выглядел архаичным старожилом (без году неделя!), я рассказывал известные только местным жителям истории о появлении здесь приведений и исторические сведения, которые почерпнул из справочников по археологии и этнографии. В нашей деревенской библиотеке книг о родном крае было мало, а те, что имелись, порой уже являлись устаревшими, но тетю очень радовало мое увлечение историей и после деловых поездок в город она часто привозила мне свеженькие тонкие монографии с новыми исследованиями местных памятников археологии. Не скажу что я был общительным, но студенты-художники были мне очень симпатичны, они показывали свои рисунки, исполненные во всевозможных техниках, в основ-

ном это были карандашные наброски, были также рисунки сделанные ручкой, ах как они передавали зазоры между камнями в стенах башни! Некоторые держали черными пальцами свои альбомы с рисунками, сделанными углем, в них мне особенно нравилось как получались облака и тучи, тени на далеких холмах и мох на сухой кладке. А некоторые приезжали на целый день со здоровенными мольбертами и писали маслом.

Мне кажется, им всем, приезжавшим издалека, действительно было интересно мое мнение об этих рисунках и, конечно, не потому что я производил впечатление какого-то эксперта в живописи, а именно потому, что я был местным.

Одна картина мне запомнилась особенно. Её нарисовал пожилой мужчина с длинными вьющимися седыми волосами, волнами спадавшими на плечи, закрывая часть посиневшей татуировки-узора на левом плече. Впервые я увидел наш брох в таком виде. Художник стоял к юго-западу от руин, и с помощью масла запечатлел их с фотографической точностью, с тем отличием, что источник света был не на небе, как я привык видеть это на других рисунках и картинах, да и, собственно, в жизни – на его картине царила ночь, луна и звезды ненавязчиво направляли свои серебристые лучи на полоску воды на горизонте и на холмы, серебряные звезды усеяли всё безоблачное небо, в центре композиции возвышалась крепость из тёмного камня. Жаль, я не додумался тогда узнать имя художника, наверняка сейчас

эта картина висит в далекой галерее, а я даже не знаю её названия, чтобы поискать репродукцию. Уверен, что он был профессиональным художником, а не любителем, и отчасти алхимиком, примешавшим в свои краски нечто, заставляющее светиться не только звезды, но даже мох на камнях излучал на этой картине призрачное сияние. Пропорции крепости были сохранены – шесть метров в высоту, внешний диаметр 13 метров, самый длинный камень во всей кладке венчал арочный вход, и частично сохранившаяся на северной стороне стена на втором этаже. В центре второго этажа был разведен небольшой костер, служивший основным источником теплого света, а вокруг костра, взявшись за руки, танцевали молодые девушки – феи. Их светлые волосы развевались на ветру, как и ткань платьев из полупрозрачной паутины, в которой оранжевым и розовым цветом преломлялись отблески костра, их миниатюрные белые ножки почти не касались пола, и пусть за спинами у них не было крыльев, как у бабочек или стрекозок, казалось что они летят и касаются пальчиками ног холодного камня лишь для того, чтобы не шокировать неподготовленного зрителя, который наверняка притаился неподалеку и зачарованно наблюдает за чудесным танцем.

– Сам я этот танец, конечно, не видел, но уверен что так оно и происходит, – сказал он, – и мне кажется, плясуньи не обиделись бы на то, как я их изобразил.

Я же смотрел как замороженный и со всем соглашался. Я

видел много сказочных картин, даже в моей комнате висела репродукция, на которой был запечатлен играющий на флейте гном, но ни одна из сказочных иллюстраций никогда не поражала меня так сильно своей реалистичностью. Наверно, секрет заключался в том, что я видел не знакомое место, которое художник скорее всего выдумал, а реальное, хорошо знакомое мне место. Сейчас детей постепенно готовят к мысли, что пора уже перестать верить в сказки, но этот случай убедил меня в обратном. В наше время даже пастыри сомневаются в реальности библейских историй о великанах и чудесах, и предпочитают говорить об этом как о метафорах, уделяя больше внимания нравственным аспектам. Я смотрел на крепость и холмы за ней и ждал возвращения пиктов, а седовласый художник ожидал явление фей, конечно, он знал что они вряд ли осчастливят его своим появлением и решил сделать первый шаг навстречу со своим мольбертом и красками. Эта встреча показала мне что на самом деле, становясь взрослее, я вовсе не обязан отречься от множества чудес, окружающих меня.

Как уже говорилось, бывал я там не особенно часто, но эти прогулки мне очень запомнились. Однажды для своей научной работы меня сфотографировал на фоне руин один писатель-историк. Тетя, сопровождавшая меня, была не против. Но как же она была довольна, когда привезла из очередной поездки в город новый ежеквартальный исторический журнал, где на половине страницы была помещена фотография

броха, сделанная со стороны входа, рядом с которым стоял я в армейской оливковой рубашке и в горных ботинках подросткового размера. Здесь мне была отведена важная роль – мой силуэт был продублирован на контрастной прорисовке строения с подписью роста на тот момент. Сама статья посвящалась вопросу о росте пиктов и, как и вся научная литература о пиктах, лишь поднимала новые вопросы об этом народе, в очередной раз напоминая, что всё, что мы о них знаем – это то, что на самом деле ничего не знаем о пиктах. Журналов тогда тетя привезла даже два, один она отправила по почте моим родителям и они до сих пор его хранят.

Наверно я слишком увлекся рассказом про это место, но всё дело в том, что оно покорило меня. Я чувствовал себя присматривающим за крепостью на время отсутствия пиктов.

Но, вернемся к рассказу о самой деревне. Приехав сюда, мы месяц весело жили вчетвером, а затем, по окончании отпуска, родители уехали обратно в город. Конечно, поначалу я не хотел оставаться, о чем несколько раз заявлял, но скорее это было нежелание расставаться с родителями, чем неприязнь к новому месту. Родители старались приезжать хотя бы раз в две недели и, в принципе, этого мне хватало. Жизнь постепенно вошла в своё новое русло. А свежий воздух и антидепрессанты с транквилизаторами сотворили чудеса – и вот я уже стал засыпать всего в 2 часа ночи, а вскоре сон нормализовался, и через два месяца таблетки уже были не

нужны.

В деревне была только начальная школа, поэтому приходилось ездить в ближайшую среднюю школу мимо нескольких соседних деревень. Влиться в коллектив в середине учебного года особого труда не составило, ибо здесь училось много детей, живущих ещё дальше от школы, чем я, и перевод в школу нового ученика посреди зимы никого не удивил. Ничего особенного про обучение вспомнить не могу, было оно довольно скучное и серое, даже внешне школа была скучной кирпичной новостройкой. И я завидовал деревенским младшеклассникам, ведь они учились в небольшом здании из белого камня с розоватыми вкраплениями, обнесённом каменным забором. А главное, что из окон нескольких кабинетов можно было любоваться чуть покосившимся со временем пиктским камнем, на котором были высечены воины, змеи, лунный серп со стрелами и другие таинственные знаки, которые нам, наверно, никогда не суждено разгадать.

Вся местность состояла из двухэтажных, изредка трехэтажных домов из светлого камня, некоторые обшивали второй этаж досками и выкрашивали их в желтый, зеленый или красный цвет. Наша деревня была довольно крупной – население почти пятьсот человек, на мой взгляд почти идеальный населенный пункт, не переполненный благами цивилизации, но и не заброшенная глушь, откуда все стремятся уехать.

После города казалось непривычным что по утрам в окно видно солнце, ибо в городе наши восточные окна выходили на многоэтажки, и увидеть солнце можно было только в отражении окон соседнего здания, когда оно уже начинало садиться.

Здесь же я не чувствовал что солнце у меня украли, хотя и наслаждаться я им мог гораздо реже, чем в городе. Дожди здесь идут часто, порой солнце половину своего времени пребывания на небе закрыто облаками и тучами. Искренне сомневаюсь, что где-то небо предстает во всем своем величии также как здесь. Наверно, любой патриот будет воспевать небо своего родного края, считая его самым красивым, и с этим я ни в коем случае не спорю. Обратившись к аллегориям времен скальдов (хоть и у них не было принято вплетать описания природы в свой рассказ) я скажу, что здесь ощущаешь себя словно в центре кольца, в которое скрутился мировой змей, или стоящим на вершине мира, горизонт кажется безграничным, в какую сторону ни повернешь. И вот только на закате последние лучи уходящего солнца блеснут на тонкой полоске чешуи мирового змея – вот он, Край Мира! А стоит поднять голову вверх – и тучи кажутся такими близкими, такими плотными, а небесная сфера поистине величественна в своей глубине, удерживая на себе всю тяжесть черной мировой бездны.

А тучи? Никакие фотографии не передадут красоту и величие наших туч. Особенно прекрасны темные дождевые и

грозовые тучи, в них не осталось ничего, что ассоциировалось бы с легкостью и воздушностью, они полная противоположность белых облачков, безмятежно плывущих по небу.

У каждого народа есть мифы о Дикой Охоте. Существует множество теорий о происхождении этого мифа и о версиях, кто у кого этот миф заимствовал. Не люблю я эти споры о заимствовании – самое пустое и бесполезное занятие. Несмотря на то, что в разных версиях этого мифа часто присутствуют персонажи, связанные с христианством, да и вообще сами действия охотников совершаются с контекстными упоминаниями таких понятий как грех, крещение, некрещеные. Корни этого мифа уходят в невероятную древность, еще задолго до нашей эры в древней Индии поклонялись Рудре, в индоевропейской мифологии это, пожалуй, самое раннее упоминание бога Дикой Охоты. Сейчас Рудру-Шиву можно встретить на майке какого-нибудь хиппи, считающего что он познал суть восточной духовности в своем стремлении к пацифизму. Но настоящий Рудра – это бог безудержного шторма, бог-охотник, подобно Одину, это бог битв и войн, он может насылать болезни и лечить. Только сопровождали его не валькирии и павшие воины, а божества Маруты. Несколько тысяч лет назад они пронеслись над зелеными лесами Индии, поражая своих демонических врагов молниями и вселяя в них ужас раскатами грома.

И вот, спустя почти четыре тысячи лет, американские ковбои, выживающие в краю ураганов и смерчей, сметающих

все на своем пути, продолжают рассказывать о небесных Призрачных Всадниках. Почему этот образ такой живучий? Постоянные заимствования, или человеческое невежество, которое не могло объяснить природу электрических разрядов между небом и землёй? На мой взгляд, секрет в том, что в этих фигурах из конденсированного водяного пара, нам до сих пор являются эти всадники.

В Шотландии с давних времен нам является не образ заимствованного Рудры, перенесенный кельтами на остров в сотнях миль от древней прародины, а образы местных героев. Здесь, над моей головой, так часто устраивали скачки народ Слуа, а в Уэльсе, у берега реки местным являлся Король Херла, такой же величественный и молодой как всегда.

Пусть мои родители учились ещё в те времена, когда религия занимала важное место в обучении и воспитании, на моей семье это никак не отразилось. Отец, конечно, очень любил пасху, но вот мне эта любовь не передалась, скорее, мне была ближе мамина радость Иванову дню, как самому солнечному времени в году. Оторванному от религиозного воспитания (пусть в школе и оставались его рудименты) казалось, мне закрыт путь к духовным переживаниям.

Но, приехав сюда, далекий от фольклора мальчик, впервые увидел этих самых скакунов на тёмно-синих конях. Лежа на траве и глядя в пасмурное небо, я не играл в привычную игру «на что похоже это облако?», а задумывался «куда несется это грозное воинство?».

Здесь человек гораздо ближе к дикой таинственной природе. В городе не гремит молния и не дует ветер? Конечно, дует и слышен гром. Но я не помню чтобы молния попала в кого-то или во что-то в пределах города, нанося урон – поваленный столб и оборванные электрические провода восстанавливали, чуть просыхал асфальт. Я помню, в городе как-то был случай, когда человека убило упавшим рекламным щитом, но не знаю куда эту жертву отнести – к жертвам стихии или прогресса. Даже моя прабабушка, живя осенью в городе, спокойно смотрела телевизор с чашечкой чая, пока на улице завывал ветер и сверкали молнии, но в загородном доме это был уже совсем другой человек – чуть на горизонте появлялись грозные облака, как она выключала от греха подальше электричество и начинала молиться. Очень жаль, что такой контраст виден только в ситуациях с переживанием ужаса, при переживании изначальной природной красоты такое переключение в сознании современного человека практически не происходит. Вот вам и разница между *raganus* и *urbanus*. Наши города уже не окружены крепостными стенами, не столько из-за отсутствия войн, сколько из-за необходимости постоянного расширения, роль зубцов на городских стенах теперь выполняют небоскребы, защищая человека от внешних опасностей.

Ветер в городе – это что-то постороннее и почти незаметное, в то время как в деревне ветер, срывающий с твоей головы бейсболку, это тот же ветер что мчит по небу темных

всадников, которые всегда готовы убить, это то же ветер, что развеивает ленточки на майском шесте, и тот же самый ветер, что нежно на своих ладонях переносит семена вереска.

Дело не в плохом обучении в школе, в незнании физики, или в большой фантазии, просто наше мифо-поэтическое мышление иногда прорывается наружу. Мне виделась Дикая Охота, а физику Роберту Оппенгеймеру при созерцании ядерного взрыва, явился образ Вишну в его аспекте разрушителя. И совсем недавно на глаза мне попало упоминание случая, произошедшего в 1956 году и описанного в news chronicle: молодого сапера убило молнией; сержант, описывая эту бурю, сказал что вокруг будто шла война, тьма сгустилась и казалось словно кто-то пытается впечатать людей в землю огромным молотом.

В такие моменты расколдованный мир трещит по швам.

Вернуться в город полностью у меня уже не получилось, ибо я был не способен вновь войти в городской ритм, что очень расстраивало и меня, и моих родителей. Вернулся в родительский дом я только после окончания школы, чтобы поступить в университет. С тех пор жизнь вновь перевернулась с ног на голову, и теперь, как только оканчивался учебный год, я собирал вещи и ехал к тете.

«Бросай своё изучение рунической магии. Психология – вот настоящая магия!» – сказали мне родители, когда я оканчивал школу. Я послушался совета и поступил в наш городской колледж на факультет психологии. Изучая ради расши-

рения кругозора устаревшие теории и теории прогрессивные и современные, я всё больше и больше остывал к этой дисциплине. Возможно, находясь я исключительно в студенческом вакууме, это остывание и не произошло бы, но я видел во что превращается психология, выйдя за пределы университетской среды. ТВ-шоу, популярные книжонки по психологии – в них было всё меньше и меньше научного, и всё больше «эй, я знаю что ты хочешь услышать, моя книга по психологии даст тебе это!».

Мне оставалось отучиться последний курс, когда я уехал на месяц навестить тётю в свой любимый северный край. Время пролетело незаметно, и вот вещи были вновь собраны и я готов был к последнему рывку на пути к получению высшего образования.

Невольно мне вспоминается отрывок из исландской саги о Ньяле, я помню её не очень хорошо, да и запутаться в самой длинной саге не мудрено. Гуннар, из-за серьезной опасности для жизни, должен был уплыть из Исландии, но, соскочив со споткнувшегося коня, он, мысленно прощаясь, последний раз посмотрел на родной дом и сказал: «Как прекрасен склон холма, таким красивым я его ещё не видел, как светло поле и скошенный луг, я вернусь домой и никуда не поеду». Правда, Гуннару это решение стоило жизни, а мне лишь спустя годы принесло огорчение, что я не перетерпел последний год обучения и не получил диплом о высшем образовании. Тогда я также повернулся спиной к автобусной остановке и по-

шел обратно в деревенский дом.

III

Всей этой красотой я наслаждался не один. Здесь у меня были верные друзья. По сути, мы были даже чем-то большим, чем друзья. У нас было своё маленькое эзотерическое подполье. Если бы мы разработали ритуал посвящения, то могли бы стать настоящим орденом. Мы интересовались всем: древней историей края, кельтским язычеством, ранним христианством, рунами, гностицизмом, уфологией и многим другим. Нет, каши в голове у нас не было, изучением рун занимались только двое (и то отдавали предпочтение разным алфавитам), остальные предпочитали огамическое письмо, да и к уфологии серьезно относились не все. Несмотря на всю пестроту нашей компании, как ни странно, в ней не было только атеистов.

В городе компании вроде нашей не были редкостью, но мы не были деревенскими подражателями, которые завидуют городской молодежи, наши интересы были определены не столько модой, сколько самим местом проживания, а черная одежда, экспериментальная музыка, индастриал и темный фолк, просто удачно подошли под наш уже сформировавшийся круг интересов.

В городах только начиналась сатанинская паника, просочившаяся из-за океана, и на ребят вроде нас смотрели косо, а с экранов телевизоров актеры, играющие роль экспертов,

говорили о том что нужно присматривать за своими детьми, ибо если ваш ребенок одевается в черное, значит он стал сатанистом. И, самое смешное, что установка «мрачная музыка = сатанизм» на абсолютную веру принимали сами подростки и начинали считать себя детьми сатаны. В итоге дети ненавидели взрослых за то что те за ними шпионят, а взрослые и правда шпионили за своими детьми, а чужих детей презирали, и собирались в церковных советах, обсуждая страшный призрак антихриста, шагающий по стране.

Но то города, там каждый за себя, тут же население маленькое и все знают всех. Некоторые мои друзья ходили в церковь с детства – сначала с родителями, а затем и сами. Священники знали нас с детства и, в целом, у нас были дружеские отношения, поэтому нас ни в чем не подозревали и отношения с местными были вполне нейтральными. И, несмотря на нашу нелюбовь к кальвинизму, молодой пастор Браден, который просил чтобы мы звали его по имени, был человеком очень приятным и дружелюбным. Иногда мы даже обменивались с ним некоторыми интересными книгами, конечно, далеко не всеми. И если исследования ранних ересей он изучал с интересом, то труды католические даже в руки брать не хотел.

Одним из наших любимых мест сбора было тихое кладбище за церковью, где стоял один из древних крестов, которые здесь установили пикты ещё тысячу лет назад. Чуть розоватый камень с шапкой зеленого мха, являл нам шедевр

древней резьбы по камню – змеи, воины и свастические узоры. Установлен этот камень был намного позже первого, о котором я уже упоминал, здесь уже не было столько неясных символов, так как в этот период времени искусство пиктов уже постепенно сливалось с кельтским. Казалось, все остальные кресты на кладбище относятся к этому двухметровому гиганту с уважением, и не смеют вырастать больше полутора метров от земли.

Но нашей любимой точкой сбора не стал древний камень, так как он находился довольно близко к дороге, да и с бутылочкой чего покрепче там не постоишь. Как я уже говорил, камень был виден из школы и подавать дурной пример детям не хотелось. Тут же мы могли посидеть за церковью на зеленой скамеечке, в ожидании пока все соберутся, культурно распить бутылочку вермута, перед тем как отправиться на прогулку в лес или по холмам, или же просто отойти на сто метров и, разложив пледы, устроить пикник. Конечно, зимой мы гуляли реже, наш любимый крест закрывали деревянным саркофагом, а бутылка вермута оборачивалась шарфом.

Раньше всех на встречи приходил Томас, настоящий кельт. Роста он был не самого высокого, но в нашей компании был самым крепким и спортивным. Зеленые глаза всегда смотрели чуть с прищуром и немного сурово, но тонкая линия бровей сглаживала это ощущение. Лицо всегда было загорелым, его фирменная короткая стрижка с укороченными висками не менялась с младших классов, изредка, для

разнообразия он зачесывал волосы на другую сторону и на официальные мероприятия укладывал их бриолином. Руки у него были также загорелые, смуглые и от природы очень сильные и крепкие, доставшиеся ему от отца. С детства его тянуло к спорту и в школе он всегда показывал хорошие результаты. После окончания учебы в колледже он вернулся и нашел работу тренера в школе неподалеку. Так как школа была небольшая, работа не отнимала много сил и помогала держать себя в форме, оставляя достаточно времени на помощь родителям на ферме, на воспитание младшего брата и на свои увлечения. Носил он исключительно футболки, поло и рубашки с коротким рукавом, как темные так и светлые, так что всегда можно было разглядеть несколько татуировок на его руках: Дева Мария на внутренней стороне правой руки, на локте рыболовная сеть, на левой руке из-под рукава выглядывала нижняя часть традиционного кельтского креста.

Несмотря на то, что с местным пастором они были хорошо знакомы, Томас за всю жизнь ни разу не был на службе в местной церкви. Наши священники за это его не критиковали, скорее, сочувствовали что мальчика угораздило родиться в семье безбожников. Его родители – коренные шотландцы держали ферму на краю деревни, жили они не в замке, но зато могли похвастаться древностью своего рода, который проследили с конца XIV века. Кроме того что род был древним, он отличился своей бескомпромиссностью, всё это

время они оставались ревностными католиками, хотя в некоторые моменты истории семье приходилось прикидываться протестантами и даже прятать распятия и четки в тайниках. Сейчас, к счастью, несмотря на то что католиков здесь раз в пять меньше, чем прихожан Церкви Шотландии, уже ни от кого прятаться не надо. Томас в этом плане всегда был гордостью родителей, ибо когда остальные дети, чьими родителями были «дети цветов», вступив в подростковый возраст, утрачивали интерес к религии, или занимали воинственную позицию по отношению к ней, молодой Томас сам погрузился в изучение писания и стал позиционировать себя как католик-традиционалист. Правда, это ничуть не мешало ему быть среди нас лучшим специалистом по древним кельтам.

Его семья была прихожанами католической церкви, находящейся в милях десяти от нас на востоке, у самого берега моря. Поездки в тот край были для него настоящим праздником, каждый раз он делился с нами своими впечатлениями от службы, восхищался красотой убранства, прекрасной органной музыкой. Да и расположением наша деревенская церковь проигрывает католической, у нас не услышишь волшебный шум моря.

Символом страстной любви к морю стала его татуировка с рыболовной сетью. Начиная с подросткового возраста Томас уговаривал родителей, чтобы те изредка отпускали его в море на подработки с дядей. Любовь к морю была усилена любовью к историческим романам о контрабандистах, ко-

торые, несмотря на угрозу жизни, выходили в разгневанное море. Конечно, законный заработок Томаса не требовал таких рисков, но юношеское очарование, почерпнутое из романов, не было разрушено суровыми буднями рыбаков, хотя одно разочарование все же было – запах сырой рыбы стал настолько ему ненавистен, что он больше не смог её есть.

– Как ты выдерживаешь эту вонь? – спрашивали у него.

– Не могу объяснить. Когда был подростком, меня удерживали там фантазии, – отвечал он, – вот подплываем мы к берегу ночью, и я представляю себе, как выйдем на берег, возьмем груз, подберем раненного подонка Дэррисдира, и снова отправимся в путь. Сейчас таких мыслей уже нет совсем, но любовь к морю крепнет. На самом деле, я бы объяснил всё это, если бы написал книгу о своих плаваниях, да только ничего интересного со мной в море не происходило.

С детства лучшим другом Томаса был Пол, хотя дома его часто звали Пауль. Он не был местным, жил в стороне от деревни в усадьбе родителей, его семья происходила из древнего шотландского рода, породнившегося с немецкой знатью. В его роду стало традицией находить себе невест-немок. Самого яркого представителя рода Пол успел застать в живых – прадед его умер недавно, а вот прабабушка до правнука не дожила, уж слишком у неё было слабое здоровье. Прадед Дитрих, как мне кажется, сильно повлиял на Пола, он обладал прекрасной памятью и рассказывал правнуку много интересного по мере взросления. Встретился он со своей же-

ной в юношеском возрасте, когда переехал с отцом в далекую Россию, в Санкт-Петербург, для работы с другими приглашенными шотландцами на чугунном заводе. Там он познакомился с молодой очаровательной дочерью местного землевладельца из немецкой деревни на окраине города. Недавно посвященный в местную масонскую ложу, молодой Дитрих планировал свадьбу, успешно трудился на заводе вместе с отцом, исполняя работу технолога как Великое Делание, представлял себе лучшие времена, как вдруг грянула революция. Всё резко начало рушиться, он лелеял надежду что братья-масоны поддержат контрреволюцию, но ложа была расколота – многие приветствовали новую власть, считая её новым шагом на пути к идеальному обществу, некоторые хотели переждать, и с интересом ждали что будет дальше, а тех, кто как и Дитрих, считали царскую власть священной, было слишком мало и они ничего не решали. Сохранить долю завода шотландцам не удалось, и, пока не стало ещё хуже, Дитрих увез молодую Хельгу к себе в Шотландию, навсегда порывая с масонством. Уверен, прадед поведал много тайн, гораздо больше, чем можно рассказывать за пределами семьи, но когда кто-то в его присутствии высказывался о масонском заговоре, Пол первый начинал возмущаться.

– Заговор!?! Да они между собой договориться не могут – молодые ложи воюют со старыми за свою самостоятельность, а внутри молодой ложи идет война между консерваторами и либералами и, в итоге, от новой ложи со скандалом и раско-

лом отделяется третья! И вы думаете, эти люди могут чем-то управлять!?

В семье сохранилось много фотографий и, можно сказать, что Пол был просто копией своих предков по мужской линии – высокий рост, длинное скуластое лицо, узкий острый нос, тяжелый волевой подбородок. Суровость черт лица чуть сглаживалась очень мягким взглядом. Единственное, что отличало Пола от предков, это постепенно темнеющие от поколения к поколению волосы, из-за вливания кельтской крови.

Его семья так до конца и не ассимилировалась и, отчасти чтобы подчеркнуть свою чужестранность, Пол в старших классах перешел в католическую веру, и хоть он стал прихожанином той же церкви, что и Томас, истинным католиком его было назвать тяжело, ибо не в меньшей степени его все-таки тянуло к изучению гностицизма, эдд, германского эпоса и рунической магии (особенно его привлекал англосаксонский ряд и полурунический готский алфавит).

Также по мужской линии ему передалась любовь к технике. Прадед был очарован механизированными заводами, веря что это начало лучшего мира, но время показало, что ничего лучшего и светлого техника в наш мир не принесла, а скорее наоборот. Пол же отошел в сторону творческого и увлекся синтезаторами, в нашей компании любителей музыкальных экспериментов он был первым среди равных. В его комнате удивительно сочетались консерватизм девятнадцатого века и технологии. Один дубовый стол был за-

ставлен книгами, а второй, поменьше, занимал синтезатор и рабочее место для пайки. На стенах висели классические гравюры, в том числе и с выдающимися немцами, с которыми соседствовали русские народные гравюры, привезенные ещё прадедом. Гордостью коллекции была раскрашенная гравюра с титаном, держащим солнце, поделенное на десятки пронумерованных секторов. Он никогда не доставал её из-под стекла, но на перерисованной копии нам однажды довелось погадать на Самайн. И тут же рядом с подсвечниками и фолиантами соседствовали различные провода. Стоило ему только услышать начало интересного диалога в фильме, он сразу бежал подключать провода к телевизору и записывал маленькие обрывки фраз на пленку:

– Обязательно вставляю этот момент в следующую запись!

Он даже взял в привычку постоянно носить в кармане своей зеленой военной куртки диктофон. Но не потому, что играл в шпиона, а из любви к полевым записям. И перед сном часто включал прослушать то что записал за день, а записывал он всё – от шума ветра среди руин до церковной службы.

Музыкой мы занимались исключительно для себя, и тираж наших демок, как правило, не превышал пары десятков кассет. Основная работа по написанию музыки лежала на Поле, в клавишах он был хорош, а вот струны ему не давались. Томас прекрасно играл на гитаре, я же немного пел, писал стихи и играл на экзотической челюстной арфе, привезенной мне в подарок из Швеции. Этот инструмент довольно

прост, и его активно используют шаманы далеко на востоке. Но в нашей компании никто больше не рискнул её освоить – каждый, кто пытался на ней поиграть, тут же лишался кусочка зуба, чего я мистическим образом избегал. А вот женский вокал и оформление обложек наших кассет лежало на Сенге.

Я считаю нам сильно повезло, что мы были знакомы с ней с детства и сейчас нам уже не грозила любовь с первого взгляда. Повстречай мы её сейчас – и в нашей компании могла бы начаться братоубийственная война за её сердце.

Насколько я помню, её натуральным цветом волос был светло-русый, но в последние годы её волосы были как правило черными, иногда она их обесцвечивала и красила в рыжий или синий. Несмотря на множество экспериментов, её волосы оставались такими же живыми и мягкими на ощупь.

Высокая, длинноногая, она могла бы стать балериной, но в детстве танцы её не интересовали, а занялась она ими совсем недавно. Когда я смотрел на финальное выступление её танцевальной труппы, то вспомнил картину, увиденную в детстве – феи, танцующие на руинах пиктской крепости. Да, она могла бы стать идеальной натурщицей для подобной картины, но не для художника Ханса Зацка. Его феи и нимфы были красивы, румяны, веселы, их темные волосы также немного завивались, они казались мягкими и теплыми на ощупь, но тело Сенги мне скорее казалось сошедшим с картин одного из любимых художников Пола – Хуго Хоппенера. Несмотря на свою идеальную стройность (некоторым казалось что

ради неё она голодает, что было вовсе не так) её ноги, руки и живот были крепкими и мускулистыми, в ней не было той мягкости, как в картинах Зацка – когда она вставала на носочки, косточки на её щиколотках начинали выпирать и крепкие сухожилия натягивались, как струна. Феи Зацка были мечтательные и нежные, она же, казалось, была даже чуть напряжена, и была полностью сосредоточена на танце, как ритуале, и если нимфы Ханса Зацка казались мне теплыми на ощупь, то от тела Сенги шел настоящий жар, как от девушки с картины Хуго Хоппенера «Tempeltanz». Однажды я брал у Пола пару художественных альбомов, когда писал статью про древние танцы, он согласился сделать мне копии понравившихся страниц. И вот, листая альбом, я наткнулся на серию картин с танцующей девушкой. На предпоследней странице я узнал её – лицо было прикрыто руками из-за нестерпимо яркого света, но я узнал её! Чуть завивающиеся волосы, идеальная грудь и слегка выпирающие ребра. Я узнал её длинные, стройные мускулистые ноги, узнал изгиб ступни и только родимого пятна на лодыжке не хватало.

Глядя на девушку с картины, в своем воображении я невольно дорисовывал лицо Сенги, её яркие светло-зелёные глаза и пухлые губы.

Несмотря на её любовь к живописи, я никогда не делился с ней своими мыслями о том на каких картинах я её вижу. Её любимыми художниками были Дэниел Маклайз, Джозеф Ноэль Патон, Эдвард Артур Уолтон, Николай Рерих и, ко-

нечно, Луис Уэйн, так что о немецких живописцах времен не столь давних, но не столь простых, нам не доводилось говорить.

Она, как и я, не была прихожанкой ни нашей местной церкви, ни католической. Её, как и меня, больше привлекало восточное учение адвайты, с тем отличием, что я больше отыскивал параллели учения в европейской мифологии, её же взор порой уходил в сторону неоправданно оптимистического сомнительного нью-эйджа. И в моменты, когда она начинала высказывать эти хиповые идеи, мне хотелось щелкнуть её по носу, чтобы пробудить от наваждения.

Да, наша компания была очень необычна, и может возникнуть вопрос «и как вы все уживались?». Также, как и простые люди, жившие здесь полторы тысячи лет назад! Здесь с древних времен сосуществовали пикты и скотты. Приплывшие с войной германцы оседали рядом с кельтами, руны и огам, роци Водана соседствовали рядом с рощами Луга. Разве что римляне из этого списка немного выпадают. Так и мы, несмотря на свои различия, были местными и все мы были очарованы древностью. Но не так, как очарованы ею историки и археологи, которые выставляют свои находки за стекло, а не очень интересное убирают на хранение в музейные запасники. Нам хотелось чтобы дух древности оставался с нами в полях, лесах и среди холмов.

И, несмотря на все наши различия, эта история коснулась всех нас. И началась она за церковью у старого кладбища.

III

Погода в тот день стояла просто прекрасная, идеальная для прогулки – солнце поднялось на высшую точку, легкий ветерок приятно освежал, но не был холодным. Несколько молодых деревьев покачивались у церковного двора и, пройдя мимо них и завернув за угол к кладбищу, я увидел Сенгу. Она сидела на скамеечке с томиком Виктора Гюго в руках, на ней была легкая черная блузка, черные шорты с колготками в виде паутинки, а на ногах старенькие кеды, которые она одевала для прогулок по холмам. Увидев меня, она сразу закрыла книгу и убрала её в маленький походный рюкзачок в стиле милитари.

– Привет, впервые ты пришла так рано.

– Привет, – сказала она и улыбнулась. На самом деле уголки её губ всегда были чуть приподняты и улыбка исчезала с её лица только в очень серьезные и волнительные моменты, именно такой момент и наступил через пару секунд, когда улыбка исчезла и она продолжила уже довольно серьезно, – нужно сходить к эльфийскому холму и проверить, всё ли в порядке.

– Это не связано с новой стройкой?

– Именно с ней! Видела там активную деятельность вчера со стороны дороги, думаю, надо подняться повыше и осмотреться.

Холм, про который она говорила, недаром зовется эльфийским, правда последние сообщения об эльфах были почти вековой давности. В округе было много древних курганов с захоронениями, этот же холм захоронений не содержал, хотя с давних времен почитался не меньше соседних. Сейчас только мы и оставляли там еду для малого народа.

Волнение Сенги заключалось в том, что земли, где располагался холм, были недавно выкуплены и на их месте планировалась стройка. Конечно, курганы были защищены от незаконного строительства, но вот холм естественного происхождения, который пользовался славой дома эльфов, к разряду охраняемых законом памятников древности не относился, поэтому легко был продан неизвестному бизнесмену.

Тут мы услышали голоса, и через минуту к кладбищу подошли Томас и Пол. Томас был одет в черную ветровку, темные джинсы, а на ногах были кроссовки наподобие футбольных, в которых он ходил на работе. На Поле была бундесверовская куртка, с рукавов которой он срезал флаги и заменил нашивками любимых групп. Он всегда оставался немцем в Шотландии, но немецкие флаги он сильно недолюбливал, он скучал по Германии времен Нибелунгов, но никак не по Германии современной. Как только они подошли к нам, Сенга сразу посвятила их в суть дела. Не теряя времени, мы дошли до конца кладбища и прошли вдоль рощи, поднимаясь на небольшие холмики и спускаясь вниз.

И вот перед нами вдалеке предстал эльфийский холм, у основания метров двадцать и метров шесть высотой, поросший ровной зеленой травой с еле заметной тропкой, ведущей к вершине. Когда-то, наверно, его вершина была округлой, но много веков назад из-за часто проводимых там церемоний, стала плоской. Мы наблюдали издалека, и сегодня здесь было уже не так спокойно, как обычно. Если раньше по холму бегали только тени от плывущих по небу облаков, то теперь вокруг него суетилась группа рабочих и геодезистов, перемещаясь от холма к вагончикам и заграждениям, а в десяти метрах от холма стояло два экскаватора.

– И что они тут забыли? – проворчал Томас.

– Мне не нравится это, – сказал я, – не похоже, что здесь собираются строить просто очередную ферму или загородный домик.

– Главное, чтобы не завод, – произнесла Сенга.

– Отец говорил, что в наши края в последнее время навевдывался какой-то бизнесмен из Лондона, – сказал Пол, – и инвесторов с собой таскал, но сомневаюсь, что он знает что-то больше нас.

– Не нравится мне это, – тихо произнес Томас, – родители рассказывали, что еще лет тридцать назад местные жители берегли деревню, ни о какой стройке в заповедной зоне и речи идти не могло, ходили собирали подписи, а теперь всем как будто все равно.

– Ладно, ребята, не будем отчаиваться раньше времени, – сказала Сенга, – я поговорю со старушкой Агнесс из деревенского совета, может, зря я себя так накрутила и ничего страшного не предвидится.

На том и разошлись. Следующие две недели собирали сведения, кто где мог. Сенга пообщалась с главой совета, а Пол даже осмелился сходить на собрание местного экологического общества и попытался поднять вопрос о новой стройке.

Отдельно скажу о местном экологическом обществе. Мы всегда были экологически сознательными гражданами и они, по идее, тоже. Поначалу мы честно пытались присутствовать на собраниях и вносить свою долю в общее дело, но между нами пробежала черная кошка. В итоге у нас пропало желание посещать собрания, и я думаю, они догадываются, кто сорвал их последнее заседание и испортил вывеску. Нам не удалось найти общий язык, так как нас – вдохновляющихся образами благородных дикарей – они считали фантазерами, а мы считали фантазерами их. На последнем собрании, где мы присутствовали, мы пытались поднять вопрос об ограничениях в охоте на лис. Сначала эту тему поддержали, но затем всё вылилось в дискуссию о том что охота на лис и ущемление прав женщин – суть одно явление по своей природе, а закончилось всё дискуссией о недопустимости использования в речи ругательств, происходящих от названий болезней – «кретин», «шизик» и т.д.

В этот раз Пол пришел без новостей – да, общество в курсе

новой стройки, и их заверили что всё будет экологично. Деревенский совет также не обеспокоен, поскольку земли приобретены в соответствии с законом, и никто на наши памятники древности не покушается.

В один из вечеров мы собрались в местном баре. Народу было мало, но мы забрались в самый дальний угол и уселись за массивный деревянный стол. В баре как обычно играло местное радио, по которому крутили песни десятилетней давности, в основном новую волну. Музыка была негромкая, самое то, чтобы заглушить наши голоса для немногих посетителей. Солнце бросало свои красные лучи через решетчатое окошко и преломлялось различными красками на наших пивных кружках.

– В общем, эти чудики говорят, что бояться не стоит и наш жизненный уклад вне опасности, – сказал Томас и отхлебнул первый глоток тёмного пива, – а вы что узнали?

– Ровным счетом ничего, – сказал я.

– Да и я не больше вашего.

– Я продвинулась дальше всех в своем расследовании, – сказала Сенга, – мне удалось пообщаться с новым владельцем, и он все выложил.

– Так просто? – удивился Томас.

– Ну да, просто я оказалась рядом, когда он приехал на стройку, и сразу у обочины пристала с вопросами. Нужно было только включить восхищенную деревенскую дурочку.

– Я тобой восхищаюсь, – улыбаясь, произнес Пол.

– Ничего сложного, просто пара вопросов «ой, а что это вы строите?», «а тут будет красиво?». В общем, он все и рассказал – там планируется строить гостиницу премиум класса и поле для гольфа, половину холмов планируется перекопать, включая эльфийский.

– Только кучи снобов нам тут не хватало, – проворчал я, – *C'est la vie*, прогресс добирается и до нас, ничего с этим не поделаться. Жалко холм, но раз никто не против, похоже, только нам одним он дорог.

– А вот насчет того, как гладко будет идти прогресс я, откровенно говоря, не уверена, и мне сдается что не все так радужно у них. Он мне пел песни, как преобразится деревня, что у него ещё в запасе наготове новые проекты. Говорил «вы свою деревню не узнаете, курорт будет, молодым ребятам будут новые рабочие места». Я решила поддержать разговор и сказала что очень рада, что мой брат сможет найти хорошую работу рядом с домом, и тут он неожиданно проболтался.

Мы усмехнулись, так как знали что у Сенги не было ни брата, ни сестры.

– И тут он мне заявляет: «вы, деревенские ребята, толковые и рукастые, а мне инвесторы всучили своих рабочих, так с ними горе. Какие же они криворукие, работы еще не начались а уже двое покалечились». – И тут я вспомнила про курган с камнем.

Такие легенды есть во многих местах, наверно, по всему

миру – в США, в Египте, России, где угодно вы услышите истории про раскопки древних захоронений, которые кончились нехорошо для тех, кто их осуществлял. Несчастные случаи и болезни, как правило, очень быстро настигали бедняг. Так и у нас в прошлом веке один фермер решил раскопать холм, который до него никто не осмеливался трогать, сокровищ особых он там не нашел, и приостановил раскопки, когда извлек из земли череп, решив что продолжит на следующий день. Во сне ему явился незнакомец и обвинил в нарушении покоя и пригрозил скорейшей расправой. Про сон этот узнали все, так как сам расхититель и рассказал своим соседям. Те его надоумили, что не дело взрослому мужику снов бояться, а надо в соседнюю деревню к антиквару отправиться и продать все, что смог откопать. Человек он был, очевидно, легко поддающийся влиянию и последовал совету друзей, а через два дня слег и умер. Может, и совпадение, увы никаких медицинских документов нам уже не найти.

Насколько я знаю, археологи, осмотревшие курган через несколько десятков лет, нашли ещё несколько захоронений, но остались живы. Наверно, к археологам наши мертвецы относятся с большим уважением, а вот египетские мумии европейских исследователей не очень жалуют, и особой разницы между расхитителями и учеными не делают, если верить историям про проклятые пирамиды.

– И серьезно им досталось? – поинтересовался я.

– У одного перелом запястья, у второго ступню раздробили.

ло. Так или иначе, но работать они пока не могут.

– Вот это интересно, – сказал Пол, – может, это знак? Может, это славный народ им напакостил, а может, они действительно криворукие?

Несмотря на наш интерес к вопросам духовным, занятиям рунической магией и тому подобному, мы оставались детьми современности. И если наши прадеды в начавшейся череде несчастных случаев сразу увидели бы проделки скрытого народа, то мы были склонны сильно сомневаться в их участии. Да и два перелома – ещё не показатель.

– А вообще, ребята, что-то мы с вами сильно завелись от всего этого. Вам не кажется? – заговорил Томас после того, как осушил свою пинту. Он не поднимал глаз от пустого стакана и тихо постукивал им о картонную подставку, – похоже, мы единственные, кому не нравятся перемены. Времена луддитов прошли, уже никто не громит фабричные станки. А гольф-клуб и гостиница, тем более, уже никого не пугают. Я тут подумал, может, эти наши нынешние обиды ничем не отличаются от тех детских обид по поводу стройки...

– Это ты про наше любимое место детских игр? – спросил я и улыбнулся от нахлынувших воспоминаний.

Много лет назад строительство одного дома по соседству встало в самом своем начале, был только установлен фундамент и частично стены первого этажа, а под наскоро сооруженным навесом лежали подвезенные стройматериалы. Так

как продолжение строительства было под вопросом, и такое чудное место просто пустовало, мы сделали его своей резиденцией, которая в играх заменяла нам и корабельную палубу и замок.

– Именно, – ответил Томас, – два года это было идеальное место для игр, а затем стройка продолжилась.

– Зачем ты напомнил, – сказал Пол, – мне теперь стыдно вспоминать, как мы с вами были злы на весь мир за то что в один день внезапно у нас забрали то, что было так дорого, но нам не принадлежало.

– Наверно, это все так... может, вы и правы, – сказа Сенга, последней допила своё пиво и отставила стакан на середину стола, – для нас два года игр на стройке, а для деревни много веков почитания эльфов... увы, перемены не остановить.

– Да, но зато мы можем порадоваться что остальные памятники древности у нас охраняются с величайшей заботой, – заметил Пол, – Ребята, я думаю нам пора переключиться.

– Пожалуй, а то сидим и дуемся, как тогда с этой стройкой, – сказал я.

– Вот что, – сказал Томас, – мы выпили по пинте и обсудили что нас волнует. Теперь пора заказать ещё по пинте и обсудить следующие вопросы. У меня сейчас в школе работы поменьше стало – поменяли расписание и теперь я стал посвободнее. Давайте сосредоточимся на записях, которые мы уже давно хотели сделать. Я принес показать вам парочку

новых текстов песен, давайте зачитаю вам и, может, вместе ещё что придумаем, – он снял накинутую на плечи облегченную пилотную куртку и достал из внутреннего кармана несколько сложенных вместе листов.

– Давно пора, – отозвался Пол и достал маленький блокнотик из коричневой кожи на замочке, – я не сам написал это, но перевел шведскую балладу о девушке и оборотне, мне кажется из этой вещи может получиться что-то интересное.

Мы заказали ещё несколько кружек пива. Все меньше и меньше красноватых отсветов солнца проникало через решетчатые окна, уже зажглась люстра в форме тележного колеса, стилизованная под старину и пара настенных светильников, и по бару разлился теплый желтый свет. Мы читали стихи, обсуждали предстоящие записи, вставки нарезанных фраз из фильмов, которые можно будет включить в демку. После третьей кружки всем нам стало заметно веселее, хмельному напитку хоть ненадолго удалось выбить из нас печаль, навеваемую детскими воспоминаниями и событиями нынешними.

За это время несколько раз посетители занимали и освобождали соседние столики. Мы перечитывали стихи, смеялись, пили пиво, перекидывались шутками с хозяином и наслаждались каждым мгновением. Мы знали этот бар наизусть, каждый сучок на потолочной балке, каждую репродукцию на стенах. Здесь не было какой-то особой системы – любимые копии зеленых и морских пейзажей, парочка ори-

гинальных пейзажей со знакомыми нам видами, которые подарили хозяину местные художники и, как особый маркетинговый ход, несколько репродукций с мясными лавками, которые так любили писать голландские мастера, а также несколько натюрмортов, которые напоминали нам что стол крестьянина в старину не был таким уж бедным. Налюбовавшись натюрмортами я принял решение – «хватит глушить пиво так, без всего, пора заказать сухарики с луком и солью».

Разошлись по домам только когда объявили что бар закрывается и улица погрузилась в ночную темноту. Горели редкие уличные фонари и свет в некоторых окошках жилых домов, эта минимальная иллюминация не засоряла ночное небо над деревней, и мы могли любоваться темно-синим звездным небом. А когда ещё этим заниматься? Просто так любоваться звёздами лучше всего из открытого окна мансарды, когда уже закрыл книгу и собираешься идти спать, или когда лежишь на траве рядом с любимым человеком, или как сегодня, когда навеселе выходишь с друзьями из деревенского бара на пустую улочку, в таком состоянии уже не волнуется что любоваться звездами кто-то считает занятием банальным и пошлым.

V

Для меня это был последний выход на улицу за неделю. Поехать к морю холодной осенью, чтобы искупаться, поваляться зимой в снегу, промочить на летней прогулке ноги в болоте и полдня проходить в мокрой обуви – ничего из этого не было проблемой для моего здоровья! Но болезнь свалила меня именно после прогулки прохладной ночью от бара до дома.

Следующая неделя прошла для меня довольно уныло, и почти всё время я посвятил лежанию в кровати с книгой. Вот уже полгода я жил один, так как несколько лет назад в городе тётя познакомилась с симпатичным итальянцем. Сначала невысокий пожилой мужчина с непослушными черными волосами, которые в его шестьдесят лет были такими же как у юноши, и прямыми усами «карандашом», показался мне странным и комичным, но человеком он был добродушным и умел расположить к себе, поэтому, даже у такого подозрительного человека как я, он завоевал доверие. Полгода назад они поженились и решили перебраться к нему на родину – увы, наш климат он не выносил. Легкая на подъем, моя тетья без колебаний согласилась переехать к нему в Италию, но они договорились изредка приезжать сюда. Вернуться они обещали в канун рождества, и было решено собраться всей семьей.

Не скажу что я тяжело переносил одиночество, но когда ты здоров, занять себя гораздо легче. Сначала меня навестила Сенга, она принесла пакет с овощами и сразу направилась на кухню, чтобы приготовить мне суп. На самом деле с готовкой я справлялся легко, но от заботы и помощи не отказался.

Затем меня посетили Пол и Томас, они ничего не готовили, но принесли новую видеокассету с ужасником, а себе по несколько бутылочек пива, и пока они наслаждались холодным пенным напитком, я давился чаем с бренди.

В следующий раз они пришли ко мне уже втроем. Я уже оклемался, но из-за плохого самочувствия за эту неделю сильно выбился из графика в работе над переводами. Последний перевод с немецкого о древней мумии давался на удивление неплохо. На самом деле особого таланта к языкам у меня не было, но хорошего результата мне помогала добиться моя дотошность и готовность часами листать этимологические словари, чтобы быть абсолютно уверенным в своем переводе. Такой скрупулезный подход давал свои результаты, правда занимал в три раза больше времени, чем у переводчиков с природным талантом и более глубоким знанием языка.

Вот и сейчас, я разложил листы на своем столе так, что черная поверхность столешницы проглядывала только в двух местах – там, где я упирался ладонями, вся остальная поверхность была завалена словарями, оригиналом статьи и

моими заметками с подчеркнутыми красным маркером словами, которые я собирался показать Полу, чтобы удостовериться в правильности перевода.

Наконец, услышав стук в дверь, я, не теряя времени, впустил друзей и провел их в свою комнату – кабинет на втором этаже. Единственное, что в ней было в порядке – это книжные шкафы, в которых изредка появлялись пробелы из-за книг, которые после прочтения ещё неделю-две я любил держать под рукой (либо на краю стола, либо вместо подушки). А вот записи и наброски мне никогда не удавалось хранить в порядке, к тому же они лежали вперемешку с красивыми камнями и нашивками, пришить которые к одежде у меня всё никак не доходили руки.

На стенах, оклеенных выцветшими зеленоватыми обоями, висели старые карты – одна большая карта Европы и несколько маленьких, на которых были показаны маршруты миграции народов в начале нашей эры, военные походы и государства, которых уже не существует.

Войдя в комнату, Томас и Сенга сели на кровать, а Пол по моей просьбе взял рукописный перевод и сел на подоконник.

– Ну, в целом все правильно, – сказал Пол, – я тобой горжусь, вот бы тебе ещё произношение подтянуть, а то порой меня откровенно смешит твое «хь».

– А про что статья? – спросила Сенга.

– Про татуировки у недавно обнаруженной мумии, которой уже несколько тысяч лет. И, что интересно, нашли её на

исторической родине Пола – в Альпах.

– О, дашь мне почитать перевод? Я родителям хочу показать, – сказала Сенга, – а то они никак не привыкнут, что татуировки это норма для человечества.

– А как же наши пикты? – спросил Томас.

– Отец говорит, может, они просто раскрашивали кожу, как индейцы. И, вообще, говорит что приличной девушке не следует брать пример с древних жительниц Каледонии.

– Хорошо, перевод проверил, а теперь пора обсудить кое-что поинтереснее, – сказал Пол и аккуратно собрал листы в стопочку в том же порядке и положил на край стола, – ты хоть в курсе последних событий в округе?

– Если честно, нет, кроме вас ко мне никто не заходит, а замороженных продуктов мне хватило на неделю и даже в магазин выходить не понадобилось.

– А тем временем о новой стройке всерьез заговорили в деревне, – сказал Томас, – как-никак погиб один рабочий.

– А это возвращает нас к мыслям о проклятии! – добавила Сенга.

– Именно. Приезжие рабочие уже начали собирать вещички, одни говорят – с этим местом что-то не так, другие считают, что им предоставили неисправное оборудование. Я, конечно, сам не видел, но очевидцы рассказывают: представь себе, вышел рабочий из экскаватора, встал перед ямой покурить и на работу свою посмотреть, как вдруг на ровном месте ковш сорвался, упал вниз и разможил ему голову, –

Томас сделал паузу, – Жалко, конечно человека, но машину проверили, оказалось все в порядке, а это наводит на определенные мысли...

– Да, и тут самое интересное, я пообщалась с Элли, и она говорит что это точно эльфы!

– Погоди, – прервал я её, – кто такая эта Элли?

– Ну, помнишь, мы рассказывали что познакомились с ней, когда ты уезжал на пару дней навестить родителей, – сказал Пол, – с тех пор редко пересекались с ней, а тут внезапно встретились снова в баре, вот и разговорились.

– Стоило мне заболеть, и вы тут же нашли мне замену!

– Ты незаменим, но вам обязательно, обязательно нужно познакомиться, – начала тараторить Сенга, – она классная! И столько всего знает! Она особо никуда не ездит, но сложилось ощущение будто она прошерстила весь остров и под каждый камень заглянула. Я еще не встречала людей, столь разбирающихся в фольклоре и знающих столько про эльфов. И я говорю не только про поучительные сказки, она откопала в архивах даже пару полицейских отчетов про необъяснимые события в наших краях.

– Да, то что много знает, это конечно круто, но насчет последних несчастных случаев, откуда у неё такая уверенность?

– Она говорит, что ей являются непосредственно сами эльфы, крайне редко, но тем не менее.

– В её слова мне верится с трудом. Реальных контактов с

НЛО было не так много, но говорят об этом многие. В этом проблема нашего века – кто-то прочитал или посмотрел по телевизору шоу и уже представляет, что это случилось с ним на самом деле, – сказал я, пока не понимая, к чему ребята ведут разговор, – но когда такое слышишь от начитанной девушки, в это поверить труднее, чем в рассказ безграмотной деревенской дурочки.

– Ну, во первых, говорит она неохотно обо всем об этом, – сказал Томас, – так, случайно в разговоре зацепились за фразочку и разговорились. Да, мы в тот год все разъехались после школы, но ты так и не понял, про какую Элли мы говорим?

– Нет, я правда до сих пор не понял, к чему этот разговор и чем так примечательная эта ваша Элли?

– Попробуй вспомнить, она была звездой местных газет, а уж сколько об этом судачили в деревне, – продолжал Томас, – она ещё училась в школе, когда мы закончили, но, приезжая на каникулы, ты наверняка слышал про девочку в коме?

– Так бы и сказали, имена мне ни о чем не говорят. Эта та, которая пропала и нашли её без сознания на эльфийском холме?

– Именно, и напомним тебе что так, без сознания, она провалялась в коме ровно год, – добавила Сенга, – согласишься, это уже интереснее.

– Хм, так с этого и надо было начинать, случай-то и правда

не из простых.

– Да, и разговорились мы с ней на эту тему случайно. Встретились в баре, и пока ребята пошли к стойке за новым заказом, я решила начать разговор. Просто высказалась, как обидно что в таком памятном месте подправят ландшафт под нужды гольф-клуба, и тут только поняла, что для неё эта тема больная. А она мне и говорит – это место так легко своих обидчиков не прощает. Я попыталась выведать у неё поподробнее, что она имеет в виду. Она рассказала мне, что после выхода из комы стала чаще бывать в тех местах. Конечно, до начала стройки делать это было несложно, а сейчас к холму можно пройти в обход только поздним вечером, когда никого из рабочих уже нет на площадке. И вот в самый последний визит ей явился голос, и сказал что обиды прощать не будут и продолжат мстить.

– Да, возвращаемся мы к столику с Томасом и вдруг видим – девушки о чем-то шепчутся с такими серьезными лицами! Мы решили узнать, что стряслось, и Элли с неохотой говорит: «да, вы будете смеяться...». Но мы с Томасом заверили её что, будучи истинными джентльменами, смеяться не будем, и она нам все рассказала. Ну, на самом деле, расскажи она про голоса у холма ещё до того как рабочие начали разъезжаться кто в больницу, кто в морг, я бы и сам не поверил, но тут сомнений всё меньше и меньше.

Кому-то может показаться странным что христианин все-рьез говорит об эльфах, о которых в библии нет ни слова. Но,

не стоит забывать что христианин, выросший в деревне, и христианин, выросший в городе – два разных человека. И дело не в качестве церковного образования, а в том что в сельской местности, с переходом в новую веру, старые традиции не забывались, хотя и изменялись. Если, скажем, в германской мифологии альвы тёмные и светлые населяют нижний и верхний мир с момента сотворения вселенной, то христианам они представлялись либо падшими ангелами, либо бесами, или же древним родом существ, которых бог создал для тренировки перед созданием Адама и Евы.

– Я несколько раз раскладывала таро, и вижу что вокруг нас начнется хаос, и виноваты в этом чужаки.

– Ну, раз на то пошло, – сказал я, – в последних рунических раскладах мне всегда выпадает руна Турс. И ничего хорошего она не несет.

– *Kátr værðr fár af illu*, – дополнил меня Пол, – или «немногим радость приносит несчастье». И все эти многие знаки ведут нас к тому, что пора действовать. Даже местный совет забеспокоился, но когда стройка уже идет, от этого толку мало.

– Я так понимаю, вы уже что-то придумали и теперь пришли с этим ко мне?

– Да, собственно, перед нами встал вопрос этический, – начал Пол, – мы уверены что жертвы ещё будут, даже если усомниться в словах Элли. Мы видим странную закономерность. Мы не видим эльфов, но можем увидеть божью волю.

У меня есть два желания – чтобы стройки не было и не было больше жертв. И, чтобы поставить в этом деле точку, мне в голову пришла идея подпортить дела этих новаторов.

–Таааак?

Пол откашлялся и достал шуршащий листок кальки, на который был перенесен кусок карты из атласа нашей местности.

– Кинь потом в камин, – сказал он, пойдя к столу, и начал разворачивать листок, – да простит мне Бог мою злость, но у меня эта идея в голове уже с самого начала зародилась. Я считаю что надо помешать стройке, и, самый оптимальный вариант, это порча техники. И я не про перерезание канатных механизмов в экскаваторе, я имею ввиду уничтожение техники.

Жар и легкое головокружение внезапно вернулись ко мне.

– Ну, не буду скрывать, ты озвучил и мои мысли, но стоит ли оно того? Дело-то крайне рискованное.

– Будь мы в городе, пробраться на стройку незаметно было бы проблемой. Но там всем наплевать, если только не застраивают последний зеленый сквер. Город есть детище Каиново, и что творится внутри города, меня не волнует. Здесь тоже хватает любопытных глаз, но вот, – и он ткнул пальцем в карту, – от твоего дома можно дойти до рощи и, пройдя через нее, подобраться к стройке незамеченными. Надо показать свою силу, иначе известно что будет.

– Да, увы, у нас не Исландия, там эльфийские места не

трогают, – сказала Сенга.

– С одной стороны, да, – согласился Томас, – но, с другой стороны, их эльфийская вера превращается в предмет торговли на радость туристам. Я уже на всякий случай заранее озаботился и подготовил кое-что для ночной вылазки.

Наверно, некоторым стало неприятно, что мой рассказ переместился в сторону планирования преступления. Винить читателя я не буду. Помню, в студенческие годы на курсе литературы несколько студентов бросили чтение заданной «Лолиты» Набокова, посчитав тему омерзительной. Но то было по-настоящему талантливое произведение! Поэтому я не удивлюсь, если вы захотите бросить читать воспоминания человека без литературского опыта. В оправдание скажу, что руководствовались мы сообщениями о намерениях местных эльфов, результатами гаданий и желанием сохранить свой мирок без изменений. Все эти причины большинству людей покажутся по меньшей мере несерьезными, незрелыми или абсурдными.

– Хм, не скажу что мне не хочется это сделать, но как по мне, есть очень высокий риск. Мне кажется, нас заподозрят в первую очередь как самых странных.

– Если сделаем всё правильно, к нам не подкопаются, – сказал Пол, – ты согласен? Хотя, в идеале, нужно пару дней посвятить разведке.

Вот так краткий рассказ некой Элли подтолкнул нас на путь преступления.

VI

В течении всей следующей недели мы встречались у меня дома, так как он был ближе остальных к стройке и холму и, главное, находился рядом с рощей, через которую можно было пройти туда без риска быть замеченными соседями. Конечно, днем быть застуканными прогуливающимися не так страшно, а вот прогулки в сумерках могли вызвать подозрения. Выходили мы, как правило, по двое, чтобы не создавать особого шума, и двигались на закате, когда деревенские жители обычно сидят уже по своим домам.

Здесь росли березы, рябины, высокие сосны и можжевельник. Благодаря соснам и можжевельнику роща даже зимой радовала нас зеленью, а недавно на деревьях распустились молодые зеленые листочки, и небольшая роща уже вполне могла скрыть нас в густоте своей листвы. Под ногами ковром расстелился мягкий зеленый мох, который делал наши шаги тихими, будто кошачьими. Через пару месяцев в этой зелени вспыхнут яркими красками красные ягоды и разноцветные дикие цветы.

Спустя десять минут передвижения по роще мы могли выйти к череде естественных холмиков, лёжа на которых можно было без труда разглядеть всю округу.

За рощей зелени заметно поубавилось, и перед нами предстало серо-коричневое поле с небольшими островками тра-

вы. Ряд маленьких холмиков был сравнен с землей, эльфийский холм и ещё пара довольно крупных, пока стояли нетронутыми, но это был лишь вопрос времени. Неподалеку от холма стояло два экскаватора – один, поменьше, желтого цвета одноместный экскаватор-бульдозер и за ним стоял огромный гусеничный гигант, настоящий вражеский танк, но окрашенный не в камуфляжные цвета, а в тёмно-красный цвет.

К моменту нашего прихода рабочие уже расходились и мы могли незаметно разглядывать стройку, лежа в траве на вершине холма. Мы заметили что на стройплощадке не делают обходов и, по сути, она никак не охраняется. Спустя три дня Томас осмелел и рискнул подойти к экскаваторам, чтобы слить из них немного топлива. За спиной он нес старый рюкзак из тёмной плотной ткани, в которую идеально помещалась единственная пластиковая канистра.

Мы ещё не приняли окончательное решение, но горючее в хозяйстве лишним не бывает. Так мы и пролежали все вечера грудью на земле, по очереди высматривая в бинокль – не пройдет ли кто вечером на стройку.

И вот в одно утро было решено: «сегодня!». Погода для нашего дела была идеальная – с утра гроза и проливной дождь и, если верить прогнозам погоды, гроза должна была начаться и ночью. Друзья, как всегда, приехали ко мне на машине Томаса. Обычно, когда все собирались у меня, он оставлял машину во дворе, но сегодня я специально расчи-

стил давно пустующий гараж.

Двери гаража закрылись и Томас заглушил мотор своего черного Austin Ambassador. Он и Пол вышли из машины и Томас подал Сенге руку, помогая выйти из авто. Из гаража мы сразу попали в дом через заднюю дверь и поднялись в мою комнату.

В комнате стояла тишина. Я незаметно дотронулся правой рукой до груди чтобы притормозить биение сердца, но оно оказалось таким сильным, что ладонь тоже начала пульсировать.

– Погода сегодня идеальная, – сказал Пол, глядя в окно, внимательно изучая тёмно-серые тучи, плывущие по небу, и прислушиваясь к морозящему дождю.

– Ну что, решено? – обратился ко всем Томас, – сделаем это?

– Мне страшно, – сказала Сенга, – но совру, если скажу что не желаю в этом участвовать.

– Не скажу что и мне не страшно, – сказал я, – мероприятие как-никак рискованное, а с другой стороны, я также не буду отрицать что желаю это совершить. Проблема в том, что самое страшное преступление что мы совершили до этого – это воровство в соседских огородах, не помню уже сколько лет назад. Так что мы ни черта в этом не смыслим.

– Мне кажется, я основательно продумал всё, что касается нашей безопасности, – сказал Томас, – но, наверно, надо обратиться с мыслями и решить окончательно: «да» или «нет».

Если мы готовы, то назад дороги не будет.

– Надо доверить решение его величеству случаю, – предложила Сенга.

– Монетка? – удивился Томас.

– Нет, – ответила Сенга, – это слишком пошло.

– Бросить руны? – предложил я, – хотя нам нужен в этом деле точный ответ да или нет.

– А, может, старый бабушкин способ? – сказал Томас, – старое доброе гадание по открытой книге?

– Я мог бы предложить библию, – начал Пол, – но знаю что половина присутствующих не шибко ей доверяет априори.

– А почему бы и нет, – сказал я, – Сенга, ты у меня бываешь реже всех и библиотеку мою, наверно, знаешь чуть хуже... если, конечно, у тебя не шпионская память. Подойди к любому книжному шкафу, закрой глаза и выбери книгу наугад.

Сенга встала с кровати и подошла к ближайшему шкафу из темного искусственно состаренного дерева. В этом шкафу были самые широкие полки и поэтому я размещал на них крупные коллекционные издания классических авторов в кожаных переплетах, которые я расставил на уровне глаз. На нижних полках также стояла классика, но уже вперемешку с крупными фотоальбомами и путеводителями, которые не помещались на других полках. И на серединной полке, самой узкой, у меня располагались книги без всякой классификации, просто самые маленькие издания разных цветов,

которые терялись на фоне других книг.

Сенга стояла перед шкафом, плотно зажмурив глаза, и водила пальцем в хаотичном порядке перед книгами, что-то тихо напевая себе под нос. Вот она остановилась и коснулась пальцем светлого корешка, затем открыла глаза.

– Пусть будет эта, – сказала она и повернулась к нам.

– О, интересный выбор, – сказал я, и подошел к шкафу, чтобы достать из пестрого ряда книг на средней полке ту самую, на которую указал перст судьбы.

– «Бретонские сказки», – произнес я название книги, доставая её с полки и вручая Сенге.

Если честно, книг по кельтскому наследию у меня было мало – «Мабиногион», «Странствие Брана» и пара книг по мифологии и этнографии. Наверно, потому что если и текла во мне кельтская кровь, то было ее не так уж и много, и относился я скорее к заурядному большинству потомков англосаксов. В Бретани мне не доводилось бывать, но бретонцы мне были очень симпатичны, поэтому я решил что такой книге довериться можно.

– А теперь закрой глаза и выбирай наугад любую строчку.

Сенга взяла в руки небольшую белую книгу со сказочными силуэтами ведьм и принцесс на обложке, положила её на левую ладонь, зажмурила глаза и запустила кончик ногтя наугад между страниц. Книга открылась и палец указал на средний абзац.

– ...Он повернулся и увидел как горит замок из стекла и

стали, пламя вздымалось до самого неба и жители даже дальних деревень видели кроваво-красное пламя... – медленно прочитала она отрывок из книги.

– Невероятно, – сказал Томас, который мне эту книгу и подарил, – каков был шанс что из всей книги нам попадется абзац про поджог?

– И тем более про поджог замка, построенного из стали и стекла, – сказал я, убирая книгу на полку.

Я подошел к комоду и достал из нижнего ящика бутылочку бренди и четыре стакана. Наполнил стаканы меньше чем на дюйм и раздал их своим компаньонам.

– Что ж, выпьем за успех мероприятия и успокоим нервишки. По одному стаканчику и достаточно, нам понадобится трезвый рассудок.

Согревающий напиток обжег глотки и тепло растеклось по нашим телам, а тем временем за окном сгущались свинцовые тучи, накрывая землю своей тенью, предвещая безлунную грозовую ночь. Этот день был воистину волшебным – сбывались предсказания синоптиков, обещавших что дождь вернется, и шло к своему исполнению предсказание сказочной книги.

Мы с Томасом спустились в гараж и он достал содержимое багажника. Небольшой ящик, накрытый тёмной тканью и две двухлитровые емкости из пластиковых бутылок, обмотанные скотчем и обычным медицинским пластырем. От крышек отходили самодельные фитили, скрученные из про-

питанной веревки и бумажного скотча с какими-то темными вкраплениями и ещё один большой черный пакет, плотно набитый чем-то.

Бутылки мы положили в свои рюкзаки и убрали их до вечера в угол. Затем Томас поднял ящик и отнес его на кухню. В нём оказалось тёмное пиво, которое переместилось в холодильник.

– Зачем столько? – спросил я.

– Сегодня перед уходом оставим свет на втором этаже, и будем делать вид что у тебя была вечеринка.

Тёмная ткань, которой был накрыт ящик пива, оказалась старой спортивной сумкой, потерявшей форму.

– Я всё продумал, – сказал Томас, – в темной одежде у нас дефицита нет, но идти в своей было бы глупо. У меня на работе в тренерской каморке хранится куча старой формы, которую списали и оставили на тряпки. Я на глазок попытался подобрать одежду нам всем по размеру. Затем он вытряхнул содержимое сумки и черного пакета, в котором оказались старые футбольные кроссовки. И мы начали распределять содержимое по размерам.

– Фу, ну и запах, – сказала Сенга, держа перед собой тонкую курточку для тренировки в дождливую погоду.

– У меня не было времени постирать форму, – сказал Томас, – да, извини, она пахнет сырой кладовкой, может, немного плесенью и, что самое замечательное, она насквозь пропитана чужим потом, что для нас не лишнее!

Когда стемнело, мы начали собираться. Размер темных спортивных курток, штанов и кроссовок оказался почти идеальным, хотя нам с Полом кроссовки были малы, а рукава коротковаты, но это все мелочи. Я и Пол упаковали бутылки с зажигательной смесью и убрали их в рюкзаки. Сенга принесла два новых фонаря, но так как они светили даже слишком ярко, она приглушила свет при помощи своих резинок для волос и старых колготок.

Мы были готовы идти помогать эльфам в их борьбе за свою территорию.

В одиннадцать часов послышались далекие удары грома, дождь полил, будто в тропиках, он словно бросал нам вызов – водонепроницаемые фонари и куртки-дождевики против стремительных небесных потоков. Но спустя час дождь лил уже гораздо слабее, а вот вспышки молний освещали небо все чаще и гром гремел всё оглушительнее и оглушительнее.

В час ночи мы выбежали из дома и, не включая фонарей, по памяти добежали до рощи, которая находилась в пятидесяти метрах от дома моей тети. Теперь нам предстояло пробраться до места уже по самой роще, оставаясь невидимыми для жителей соседних домов. В хорошую погоду это не составляло труда, но сейчас земля под ногами размякла, а мох стал будто ещё мягче, но, тем не менее, передвигаться в роще под укрытием ветвей было гораздо проще, чем бежать по открытому пространству.

Впереди бежал Томас, будто вожак волчьей стаи и нес в

руке первый затемненный фонарь, за ним спешил я, следом Сенга, и в конце «стаи» Пол, который следил чтобы Сенга не отстала в темноте. Моё сердце переполняла смесь радости и тревоги: вот также в древних обществах молодых людей в сопровождении старших уводили из дома на страшное испытание, с целью перерождения через ритуал или охоту. И вот теперь мы сами, пусть и с опозданием, собрались в такой тайный союз. Это напоминало инициацию не по принципу пламя от пламени, а скорее, огонь, разгорающийся внутри глыбы льда.

Вот очередная вспышка осветила небо и землю, зеленый мох будто задержал в себе на несколько секунд желтоватый свет молнии, чтобы осветить нам дорогу. Мох и деревья, казалось, были единственными живыми существами в лесу, все звери спрятались в свои уютные норы, выкопанные искусно, как их изображают в детских книгах, только в таких мышинных норках нет кроваток и столиков, лишь хитрые ходы с крышей из земли и мха, куда почти не доходят раскаты грома и где можно спокойно обсушить шерстку. Попрятались все: птицы, кролики, лисы, а вот мы, наоборот, вышли на свою охоту, разгоряченные как никогда в жизни.

Мы часто оглядывались, не горит ли там вдалеке свет в домах, не вспыхнет ли где в пределах рощи чужой фонарик. Мы были будто герои древней кельтской легенды, которые по воле злого колдуна во время праздника оказались в своих владениях совершенно одни, во всей округе пропали их дру-

зья, гости и местные жители. Кому-то мы сами покажемся в этой ситуации озлобленными колдунами, но мы представляли себя артуровскими рыцарями.

«Что вверху, аналогично тому, что внизу» – гласит герметический принцип, подразумевающая аналогичность микрокосма и макрокосма. Но мне в тот момент эта мысль пришла в голову в ином ключе. Наверху над нами проносилась Дикая Охота. Тёплая пена из лошадиных пастей падала на землю, топот копыт и стремительные удары светящихся копий заставляли вздрагивать всех живущих под небом, в нескольких автомобилях даже включалась сигнализация, и при очередном раскате грома они, будто напуганные дети, звали своих родителей. Так и мы бежали по лесу, будто нас нес вперед штормовой ветер, но мы были слишком маленькие, чтобы внушать кому-то страх. Дикая Охота часто описывается как войско, которое гонит по небу древнее проклятие, возможно, и нас гнало вперед проклятие, которое не давало нам сидеть со спокойной душой дома в такую ночь.

Казалось, что мы и правда летели! Тусклый луч фонаря, пробиваясь сквозь струи дождя, высвечивал стволы деревьев, и кора начинала блестеть, излучая белый свет. А камни, о которые так легко споткнуться даже днём, приветствовали нас бледными бликам и разве что только не расступались перед нами! Казалось, это волшебная сила эльфов помогает нам – никаких спотыканий о камни, никаких ударов веток по лицу, только одержимое движение вперед.

Наконец, мы замедлили бег и свернули влево к выходу из рощи. Деревья уже остались позади и перед нашими глазами предстало тёмно-серое поле со множеством больших и маленьких холмов, между которыми при каждой вспышке молнии сияли ярким цветом глубокие лужи. Нам предстояло спуститься на поле, преодолеть три небольших холма, за которыми недавно лежало множество камней, поросших мхом. Там нас ждал высокий эльфийский холм, в тридцати метрах от которого размещалась строительная техника, сравнившая с землей уже десяток холмов и насыпавшая два новых.

Было решено что Сенга останется у входа в рощу и будет изредка включать и выключать фонарик, чтобы мы видели, куда возвращаться в темноте, и, в случае чего, начнет подавать световые сигналы. Томас для страховки останется на середине пути, а мы с Полом должны были подкрасться к экскаваторам.

Я взял один фонарь, но пока не включал его. Наши глаза привыкли к темноте, а мокрая земля и трава отражали ничтожные лучи света, пробивавшиеся из-за туч. Вот всю округу в очередной раз осветила вспышка молнии и мы увидели наше поле боя как на ладони, моё сердце остановилось и через три секунды забилось вновь после оглушительного раската грома.

Мы с Полом, пригнувшись, быстрым шагом направились к цели. По лесу мы бежали, словно хозяева, но здесь мы ощущали себя во враждебной среде – земля, чей покой наруши-

ли тяжелые гусеницы гигантских машин, смешалась с водой и хлопала у нас под ногами, как будто старалась засосать нас поглубже. Холодная вода заполняла кроссовки, струи дождя уже не стекали с листочков где-то рядом, а лились прямо на нас, волосы намокли и липли к лицу, нам приходилось протирать глаза и оглядываться по сторонам.

Пробегая мимо эльфийского холма, мы остановились на полминуты отдышаться в его тени.

– Это самое сложное, – сказал Пол, вцепился пальцами в полусогнутые колени и наклонил голову вниз, чтобы отдышаться и поправить волосы, – такое ощущение, будто мы на прицеле у снайпера.

– Ну и псина! – воскликнул я, когда поднял глаза на зеленый эльфийский холм, который ещё не успели освежевать ковши и гусеницы строительной техники.

Пол поднял голову и проследил направление моего взгляда.

На вершине плоского холма стояла огромная собака. Скорее всего, немецкий дог, хотя окраса непривычного и напоминал больше соседского английского сеттера – такой же белый, с ярко рыжими ушами. Пока что он не проявлял агрессии, хотя, не буду скрывать, нам он внушал неподдельный страх. Гордый силуэт, могучие мускулистые лапы – он не шевелясь смотрел на нас сверху вниз и оттого казался еще более крупным. Особенно пугала эта его каменная неподвижность – он не лаял, не бежал к нам, а просто смотрел. Очередная

вспышка на небе перенесла нас с серой поверхности лунного пейзажа обратно на землю. Белый пес неподвижно стоял под дождем и не сводил с нас своих черных блестящих глаз.

Какую же ошибку мы совершили – неделю дежурили, а сторожевого пса ни разу не видели!

Бежать от него не было смысла, это настоящий охотник. Однажды я видел как на выставке собак довольно высокая девушка танцевала вальс со своим черно-белым немецким догом, который держал свои передние лапы у неё на плечах и, стоя на задних, был чуть выше хозяйки.

Убежать от какой другой сторожевой собаки ещё можно, хоть и с множеством рваных укусов на руках и ногах, но такому гиганту ничего не стоит завалить человека. Одно успокаивает, что псы этой породы незлобные по своей природе.

После вспышки по воздуху разнесся гром, и мы невольно вздрогнули, но только не пёс. Сначала были мысли, что нерадивые хозяева выгнали его против воли на дождь, но теперь он казался просто хозяином владений, вышедшим на прогулку.

– Только не смотри ему в глаза, – сказал Пол.

Я отвел взгляд в сторону и смотрел на вершину холма боковым зрением. Вдруг пес распрявил лапы и рванулся вперед, перемещаясь большими стремительными прыжками, уверенно отталкиваясь сильными лапами от мокрой травы. Мы не знали что делать и застыли на месте. Тем временем пёс спустился и остановился, он высунул язык, посмот-

рел в нашу сторону и вдруг резко отпрыгнул как-то боком, гавкнул на нас, но не оскалившись – он словно приветствовал нас или звал поиграть, а затем побежал прочь, несколько раз подпрыгнув на месте, затем сделал оборот вокруг своей оси в погоне за хвостом. И вот уже белый силуэт скрылся за холмом. Оцепенение прошло, и я рванул было за ним, мне хотелось убедиться – не стоит ли за холмом его хозяин, и далеко ли убежал пес, ибо не хотелось чтобы рядом в решающий момент здесь оказался кто-то живой. Но его уже и след простыл.

Сенга вдалеке подавала редкие световые сигналы. Нам оставался последний рывок и мы побежали в сторону экскаваторов.

Последние шаги по открытому пространству, и ,наконец, мы укрылись в тени экскаватора. Осмотревшись и поняв, что вокруг точно никого нет, мы продолжили действовать по плану.

– Возьмешь на себя ту махину? – спросил Пол, глядя на экскаватор, стоявший чуть дальше.

– Да, без проблем.

Я добежал до второго экскаватора и напряг зрение. Пол стоял на месте и ждал, когда я начну, чтобы все сделать синхронно. Он чуть пригнулся, сел под экскаватор, расстегнул рюкзак и начал доставать его содержимое. Мне пришлось сначала забраться с ногами на гусеницы и только тогда я добрался до топливного бака.

Я достал тяжелую бутылку, завернутую в полиэтилен, и тут меня ждал неприятный сюрприз – она была плохо замотана и дождем намочило фитиль насквозь. Тем временем Пол установил свою емкость под баком и смотрел на меня, ожидая сигнала. Техника была удачно расположена так, что мы могли видеть друг друга без проблем. Я также поместил сосуд под топливным баком, который здесь был в несколько раз больше, чем у первого экскаватора. И мы начали одновременно поджигать фитили. Зажигалка работала безотказно, а вот метровый фитиль, как я и боялся, промок и не хотел загораться. Я обернулся и посмотрел на Пола, у него все прошло гладко, фитиль загорелся и в темноте можно было разглядеть искорки, медленно бегущие по фитилю. В этот момент Пол был уверен в себе как никогда, словно Сигурд, подстроивший ловушку дракону Фафниру, а вот моя уверенность таяла на глазах, я попытался поджечь фитиль с середины но и это не дало никаких результатов.

– Что ты копаешься?! – шикнул на меня стоявший уже рядом Пол, – бежать пора.

– Проклятый фитиль не загорается.

– Да бросай ты её и бежим.

Я спрыгнул с высоких скользких гусениц ногами в лужу и мы уже готовы были бежать.

– Нет-нет, – сказал я и вновь забрался на экскаватор и забрал бутылку, времени прятать её в рюкзак у нас не было и я просто сунул её под мышку.

Теперь нужно было бежать. Я спустился на землю, Пол схватил меня за воротник потянул за собой. Мы бежали уже без передышек, шлепая по лужам и не оглядываясь назад. Мы молча добежали до места где нас ждал Томас, и уже втроем рванули туда, где нас ожидала Сенга.

Почему так долго в воздухе царит тишина? Дождь утихал, интервалы между молниями сокращались, а взрыв всё не раздавался. «Не сработало» – подумал я – «ну ничего, с утра будет весело, когда у экскаватора найдут бутылку с зажигательной смесью!»

Уже у самой роши, когда нам пришлось последний раз штурмовать небольшую возвышенность, я вдруг поскользнулся на мокрой траве. Томас подхватил меня и рванул резко за руку на себя, но в итоге сам потерял равновесие. Помогая ему встать, я обернулся в сторону стройки, и тут в глаза мне ударила ослепительная вспышка света и оглушило мощным двойным хлопком. Сердце чуть не выпрыгнуло из груди! Сегодня мы вдоволь насмотрелись на молнии, но эта вспышка была не холодной белой, с синеватым отливом, а словно янтарь – красная, оранжевая. Такая тягучая, темная, с черными вкраплениями дыма, эта янтарная смола вспыхнула в воздухе и продолжала расти вокруг экскаватора. И, как много миллионов лет назад, тёплая нежная смола заключала в свои объятия насекомых, так и теперь оранжевое сияние обволакивало черный силуэт гусеничной машины. Но древесная смола застывает и сохраняет свою жертву на века, а это

янтраное пламя оставит только скелет.

– Бежим! – сказал я Томасу, который засмотрелся на вспышку

Он оперся на меня и из положения низкого старта рванулся вперед. Да, мы не были точной копией Дикой Охоты. Призрачные всадники проносились по ночному небу в одном направлении и скрывались за горизонтом за чужими лесами, а нам еще предстояло возвращаться обратно.

Мы устали, кроссовки были насквозь мокрые, не говоря уже про всю остальную одежду, но тем не менее, казалось, что обратно мы бежим быстрее – нас уже не замедляли внутренние сомнения «а, может, не будем и повернём назад?». Пола уже не бил по спине тяжелый рюкзак, а вот мой груз так и остался висеть за спиной. Столб пламени, который был виден через ряды деревьев, через минуту растворился в ночной темноте, только отголоски взрыва ещё гудели в ушах.

Мы жадно вдыхали ночной воздух, чтобы охладить раскаленные легкие, дышали, словно запыхавшиеся гончие, и тут среди хриплого дыхания раздался голос Пола.

– Я ульфхеднар! Мы, носящие волчьи шкуры, и никто не устоит перед нами! – и тут из его пересохшего горла вырвался хриплый волчий вой.

Несколько часов назад этот человек молился о прощении грехов, а теперь молитва сменилась имитацией волчьего воя, который подхватили ещё три голоса.

VII

Вернувшись ко мне домой, первым делом мы скинули мокрую одежду и, по очереди приняв душ, переоделись в свою повседневную одежду. Сенге пришлось воспользоваться тетиным феном, чтобы тщательно высушить волосы.

Томас собрал одежду и спрятал её и бутылку с горючей смесью в багажник.

– Главное, завтра вернуть всё это в сырую каморку, и проблем не будет, – сказал он.

Переодевшись в сухое и высушив волосы мы поднялись ко мне в комнату и до шести часов утра пировали. На самом деле выпили всего по паре бутылок пива – мы были слишком разгоряченные чтобы всерьез напиться. Всё это время мы обсуждали случившееся, каждый со своей позиции, занимаемой на местности во время операции.

– Я такого никогда в жизни не видела, – сказала Сенга, – в кино это не так оглушительно.

– Да, помните, как тогда в детстве помогали тушить пожар? – вспомнил Томас.

– Да, такое не забывается, – сказал я, вспоминая, как мы вместе со взрослыми бегали с ведрами и тянули поливочный шланг из ближайшего сада, – самое обидное, что нас – детей, игравших неподалеку и заподозрили в поджоге.

– Да пошли они! – сказал Томас. – Главное, чтобы сейчас

не заподозрили.

– Жалко что у меня не вышло, – сказал я. Не знаю, что меня волновало больше – то, что я не смог сжечь экскаватор, и что у нас на руках осталась бутылка с зажигательной смесью, или то что мне не удалось доказать своё мужество? – Проклятый фитиль, надо было лучше заматывать!

– Вообще, у меня была мысль заменить фитиль электронным таймером, – сказал Томас, – но как по мне, вещь это тоже не особо надежная. Да, не бери это в голову, это может даже и лучше, если бы было два взрыва, то всем однозначно стало бы ясно, что это поджог, и все сразу ринулись бы на поиски, а вот один взрыв говорит о возможной неисправности, или еще о каком форс-мажоре.

– Нет-нет-нет, все прошло отлично – добавил Пол, – всё прошло идеально, как мне кажется.

– Главное, чтобы всё не обернулось против нас, – сказала Сенга.

Но, думать о плохом нам не хотелось, и до самого утра мы больше не затрагивали негативную сторону произошедшего. А затем мы легли спать, конечно, я без проблем мог разместить всех гостей по комнатам и по диванам, но у нас даже в мыслях не было расходиться, поэтому Сенга уснула на моей кровати, а все остальные расположились на полу.

Но, очевидно, большое количество адреналина не дало мне долго спать, и поэтому в восемь часов утра, после бодрящего двухчасового сна, я открыл глаза и больше уснуть

уже не смог. Тогда я спустился вниз и сварил кофе. Дождь прекратился и черные тучи сменились светло-серыми, ветер изменил направление, и утро было довольно-таки холодным даже по нашим меркам. В ожидании когда будет готов горячий черный напиток, я сидел за столом, смотрел в окно и неторопливо поедая овсяное печенье, и только собрался налить кофе в чашку, как раздался стук в дверь.

На пороге стоял местный полицейский Реджинальд Эванс. Высокий, с чуть седеющими на висках соломенными волосами, аккуратно уложенными под фуражкой с шашечками, и густыми усами, скрывающими верхнюю губу. Этот утренний визит резко выбил меня из колеи, но моё волнение и даже легкое заикание в этот момент легко можно было списать на ранний подъем.

– Инспектор Эванс, что-то случилось? – спросил я.

– Привет, Соэрли, – поприветствовал он меня. Сделав ударение на моём имени, которое так нравилось учительнице литературы, считавшей что меня называли в честь поэта Сорли Маклина, хотя на самом деле это была местная вариация древнего имени ярла Сумарлиди, которое приглянулось моим родителям, любителям истории, – обхожу всех, кто мог что-то слышать.

– Пройдёте?

В этот момент его глаза встретились с желтыми глазами выглядывающей из-под длинного халата черной пантеры, вытатуированной у меня на ноге по эскизу Моряка Джерри.

– Да, благодарю, – сказал он и прошел в дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.